

ОБРУЧЕННЫЕ ЗАТМЕНИЕМ

—
МАРКОВА АНАСТАСИЯ

Анастасия Маркова
Обрученные затмением

«Анастасия Маркова»

2022

Маркова А.

Обрученные затмением / А. Маркова — «Анастасия Маркова»,
2022

Шесть лет меня преследовали раздирающие сердце слова: «Это ты во всем виновата! Ты!» Из ночи в ночь мучили кошмары. Мне не следовало срываться домой и ворошить прошлое, но я вернулась и... разбудила дремлющего врага, чье лицо скрывала маска. Чем ближе открытие тайн, тем жарче он дышит в спину. Еще и несносный полукровка путается под ногами, от красоты которого перехватывает дыхание.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	19
Глава 4	22
Глава 5	30
Глава 6	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Анастасия Маркова

Обрученные затмением

Глава 1

Небольшой пассажирский самолет стремительно уносил меня подальше от Тампы с его лазурными водами и многолюдными белоснежными пляжами.

«Как он поведет себя при встрече? – в тысячный раз задалась я вопросом. – Не убьет же меня. Не выставит из родного дома. Или выставит?..»

Перед внутренним взором невольно возник образ разъяренного здоровяка, указывающего когтистой лапой на дверь. Сердце болезненно сжалось в груди. Ему вторили пальцы, которые вцепились мертвой хваткой в твердые подлокотники.

Я глубоко вздохнула и попыталась успокоиться. Решение вернуться в неприветливый Эмбаррасс далось мне нелегко. Дело было не в страхе перед полетами и вовсе не в моей неприязни к самолетам с его тесными сиденьями и шумными пассажирами. Хотя я, как и другие подобные мне создания, предпочитала перемещаться по суше, а не висеть часами в воздухе на высоте нескольких тысяч миль над землей. Причина заключалась в твердом убеждении, что я не раз пожалею о содеянном, ведь расплата за своеволие не заставит себя ждать. Но вопреки здравому смыслу и маячившему на горизонте мрачному будущему, все же осмелилась покинуть спасительное убежище.

«Скорей бы мы уже встретились! И будь что будет...» – подумала я, испутив тяжелый вздох.

Казалось, высшие силы услышали мои мольбы, потому как железная птица довольно резко вильнула вправо и более плавно пошла на снижение. Спустя считанные мгновения шасси коснулось взлетной полосы. Самолет подбросило вверх. Вместе с ним подскочило мое сердце. Я боялась. Ужасно боялась. До дрожи в коленках. Не разбиться, а встретиться лицом к лицу с семьей. Озвучь я мысли, многие рассмеялись бы, покрутили бы пальцем у виска, ведь большинство людей в преддверии желанной встречи ощущают внутри приятный трепет. Только не в моем случае. У меня в животе ворочался ком ужаса. Он разрастался, становился с каждой минутой все плотнее...

Ослушаться наказа Рона Миллвуда, владельца здешних земель, мэра городка Эмбаррасс, его грозного шерифа и по совместительству моего отца, мало кто решался. А я осмелилась. И могла поплатиться свободой, которой у меня было вдоволь на протяжении шести лет. Мучительно долгих и далеко не радостных шести лет...

Самолет я покинула в числе первых пассажиров. Ощущение надежной земли под ногами подарило душе каплю спокойствия. Тревога вернулась, едва в кармане заверещал смартфон.

– Как ты не вовремя, Мия, – прошептала я, увидев на экране фото сестры.

Рука тянулась отклонить вызов, чего категорически нельзя было делать. Иначе моя точная копия безотлагательно доложит обо всем отцу, а тот, забросив дела, возьмется за собственное расследование. Как представителю закона, ему не составит труда выяснить, что его дочь съехала этим утром со съемной квартиры и первым рейсом вылетела в Миннесоту.

Два часа отсрочки меня не спасут, зато позволят спокойно добраться до Эмбаррасса. К тому же вдруг фактор внезапности смягчит родительский гнев?

Дождавшись, когда в аэропорту воцарится относительная тишина, я провела пальцем по чувствительному экрану телефона.

– Привет! Где пропала? – раздался в динамике взволнованный голос Мии. – Целый день не могу до тебя дозвониться. Все в порядке?

– Более чем, – бодро отозвалась я, мигом сочиняя небылицу: – Ходила по магазинам, помогала соседке по квартире с подарками к Рождеству. Как сама? Как папа? – пользуясь моментом, решила прозондировать почву.

– У меня тоже все отлично. Папа... папа в своем репертуаре, – с досадой пропыхтела она. – Как всегда, на работе. Еще не видела его сегодня.

– А мама? – казалось, мой голос утонул в шуме вновь прибывших пассажиров, но сестра расслышала вопрос.

– Без изменений... – не менее тихо отозвалась она.

Вина не заставила себя ждать и тупой болью стиснула мне грудь. Повисшая в трубке неловкая пауза подначивала закончить разговор. Именно так я и собиралась поступить, как вдруг по залу, словно гром среди ясного неба, разнеслось сообщение о готовящемся вылете. Спohватившись, закрыла пальцем микрофон, но опоздала. Благодаря идеальному слуху, Мия уловила начало объявления.

– Лия, где ты?! – требовательно прокричала она.

– В аэропорту. Провожая Каррен. Соседку по квартире. Она улетает домой на праздники, – выпалила без промедления.

Колебаться было нельзя, иначе сестра с легкостью распознает ложь.

– Езжай-ка ты скорее домой, – произнесла Мия после недолгого молчания. – Если папа узнает, что ты расхаживаешь по городу в такой час, тебе не поздоровится. Начнет с лекций о росте преступности в Тампе, закончит блокировкой банковской карточки. Вдобавок обяжет каждые два часа отчитываться о местонахождении. Тебе это надо?

– Тогда, сестренка, отключаюсь и со всех ног бегу на автобус. До связи! – как можно непринужденнее произнесла я, дождалась ее «пока», нажала на красную кнопку и перевела дыхание. Кажись, пронесло.

Не теряя ни минуты, подошла к камерам хранения. В одном из ящиков лежал ключ к спасению. В прямом значении. На улице меня никто не ждал. Более того, родные даже не предполагали, что я задумала. Поскольку до родительского дома путь по-прежнему был неблизким, а на улице стоял не месяц май, следовало позаботиться о транспорте. Что я и сделала еще за день до отъезда – купила машину на сайте бесплатных объявлений.

Можно было не тратиться, нанять такси или позвонить кому-нибудь из родных и попросить забрать меня. Но всецело зависеть от отца – последнее, чего мне сейчас хотелось. Покупкой автомобиля я заявляла ему о серьезности намерения перебраться в Эмбаррасс. И Рону Миллвуду придется с ним считаться!

Ячейка с номером девяносто девять нашлась быстро. Стоило ввести четырехзначное число на электронном табло, как раздался щелчок. Дверца камеры плавно открылась, и на губах появилась сдержанная улыбка. Продавец не обманул. Внутри лежали ключи и документы, согласно которым я становилась обладательницей пикапа «форд», выпущенного задолго до моего рождения. Что нисколько меня не омрачило. Какие деньги – такой товар.

Несмотря на усталость, вызванную бессонной ночью и длительным перелетом, насладиться отдыхом получится нескоро. От Дулута до Эмбаррасса почти сто миль. Мне предстояло преодолеть их на личном грузовике. Если проржавевшую развалюху цвета детской неожиданности можно было назвать таковой. Впрочем, за неимением лучшего следовало довольствоваться тем, что так своевременно подбросила судьба.

На улице мороз незамедлительно вцепился в щеки и нос. Дыхание перехватило от колючего воздуха. Не успела восстановить его, как в лицо прилетела пригоршня снега. Затем ветер, подобно сорванцу, заигрывавшему с понравившейся девчонкой, попытался стащить с головы меховой капюшон. Только копна вьющихся каштановых волос не позволила воздушному потоку сдвинуть его даже на дюйм.

– Брр-р! Какой собачий холод, – повела я плечами и застегнула доверху пуховик защитного цвета.

Пришлось приложить немало усилий, чтобы отыскать на парковке свое чудо-авто. Во-первых, там было полно машин, во-вторых, оно походило больше на внушительную белую горку, чем на средство передвижения. Неосведомленному человеку могло показаться, что оно стоит там не первый день, но «форд» пригнали только утром, и он сразу попал во власть похулигански разошедшейся стихии. Всему виной был мощный циклон, накрывший едва ли не всю Америку.

Дверца со стороны водительского сиденья поддалась со скрипом, почти без сопротивления. Завидев предусмотрительно оставленную продавцом новенькую щетку со скребком, ощутила, как в груди разлилось приятное тепло, а глаза защипало от набежавших слез. За годы одиночества я забыла, что такое забота, поэтому и растрогалась. Или тому виной было приближавшееся полнолуние?

Я закинула на пассажирское сиденье немногочисленные вещи, вставила ключ в замок зажигания и повернула его. Ничего.

– Давай, милая, – с мольбой обратилась к чудо-авто и вновь попыталась завести его.

Сначала раздалось недовольное чиханье и только затем рев мотора, ставший музыкой для ушей. Оставив машину прогреваться, отправилась вызволять ее из снежного плена.

Щеки неприятно покалывало, пронизывающий ветер усердно трепал пуховик, пушистые хлопья снега застилали глаза, но работа спорилась. Закончив, я отряхнула ботинки, уселась в пикап, в котором было уже тепло, нажала на педаль газа и покатила по улицам. Несмотря на непогоду, довольно оживленным.

За время моего отсутствия город сильно разросся и заметно преобразился. Только выпадет ли мне шанс познакомиться с ним получше, при более благоприятных условиях? Или завтра все-таки придется возвращаться во Флориду? Без боя не сдамся!

Едва яркие огни Дулута остались позади, я включила радио. Первое время из динамиков раздавались лишь треск и шипение, но в какой-то момент среди эфирных помех прорвался мужской голос:

– Ближайшие три дня ожидается снег, снег и еще раз снег! – с загадочным восторгом воскликнул диктор. – По данным экспертов из метеорологического бюро нас накрыл буран. Поэтому смело отправляйтесь в магазин и хорошенько закупитесь там. Снегопады ожидаются настолько сильными, что неизвестно, сможете ли вы уже завтра покинуть дом.

– Вот засада, – недовольно проворчала я.

Правда, вскоре нашла для себя выгоду в вырисовывающейся ситуации: многие авиарейсы будут отменены и даже при всем желании отцу не удастся выпроводить меня обратно во Флориду. Хотя в груди по-прежнему теплилась надежда, что до этого не дойдет.

Довольно быстро задорный голос ведущего сменился каскадом шипения и писка. Продолжая следить за дорогой, я перегнулась через рычаг переключения передач, открыла бардачок, нащупала там единственную кассету и вставила в магнитоу. В кабине тут же зазвучали зубодробильные аккорды, заставившие меня подпрыгнуть от неожиданности.

– Ну и вкусы у вас, дяденька, – пробормотала я и поморщилась, будто надкусила лимон, когда из динамиков послышалось нечленораздельное рывканье.

Подобная музыка была не в моем вкусе, но выключать не стала, лишь немного приглушила. Выбирая между грохочущим роком и безмолвием, наводящим на мрачные размышления, я сделала выбор в пользу «искусства». Лучше страдать от потери слуха и мигрени, чем от сердечной боли.

Одна миля сменилась другой. К сожалению, не так быстро, как хотелось бы. Обещанный диктором снег со временем усилился. Дворники с трудом успевали очищать лобовое стекло от сыплющих с неба белых хлопьев. Из-за плохой видимости я была вынуждена снизить скорость,

и теперь пикап, подобно улитке, еле полз по заметенной дороге. Планируемые два часа пути грозились обернуться всеми шестью, что не сулило мне ничего хорошего: я могла оказаться посреди ночи в плену бурана без тепла и горячего питья, поскольку денег почти не осталось, а бензин «красотка» лопала с остервенением.

Вопреки непогоде и черепашьей скорости «форда» около десяти вечера я пересекла городок под названием Верджиния. Согласно навигатору от него до родного дома всего двадцать миль – четверть от проделанной дороги. Обрадоваться бы, да ехать становилось все сложнее. От пристального всматривания в темноту перед глазами плясали мушки, веки то и дело слипались от усталости. Не спасала ни грохочущая музыка, ни поселившаяся в голове тупая боль. Следовало остановиться, сделать небольшую передышку, но я продолжила путь. И моя глупая самоуверенность чуть не привела к аварии...

Ощущая сквозь дрему, что пикап заносит вправо, я резко встрепенулась, впопыхах постаралась выровнять руль, только опоздала – заднее колесо успело зацепить обледенелую часть дороги. Точно пластмассовую игрушку, «форд» стало крутить по обеим полосам. И это на вышени!

Не поддаваясь панике, вжала педаль сцепления и тормоза в пол и попыталась вернуть себе контроль над непослушным пикапом. Так в случае заноса машины некогда учил меня действовать личный автоинструктор.

Несколько полных оборотов – и мне удалось усмирить «форд». Преодолев еще с десяток футов пути, свернула на обочину. Тело сотрясала сильная дрожь. Управлять машиной в таком состоянии было нельзя, следовало успокоиться.

– Дурында! – выругалась я и ударила кулаком по рулю, словно тот был в чем-то виноват.

Несмотря на бушующую на улице метель, выскочила из кабины, потными от волнения руками схватила горсть снега и провела по лицу. Кожа быстро запылала огнем, но я продолжала тереть ее, наказывая себя за чрезмерную беспечность, прогоняя остатки сна. Хотя они давно бесследно исчезли.

Ощущение чьего-то пристального взгляда на себе вынудило меня резко остановиться. Холодок страха вмиг расползся по телу. Медленно, немного даже заторможенно я подняла голову и почувствовала, как ужас, словно питон, плотными кольцами обвил сердце, вынуждая его замереть.

Некогда идеальное зрение заметно притупила принимаемая из месяца в месяц настойка. Осложняла задачу и метель – сквозь плотную снежную стену сложно было что-либо разглядеть. Ее не пробивал даже дальний свет фар. Тем не менее воображение рисовало очертания огромного зверя. Того самого, что шесть лет назад напал на меня, маму, тетю, украл мою юность, разрушил крепкую семью, заставил меня спешно покинуть родительский дом и долгие годы скрываться среди чужаков.

Внезапно в висках застучали знакомые молоточки, а перед глазами появились белые мушки. Так происходило каждый раз, когда я пыталась вспомнить события того летнего вечера. Однако мозг по какой-то причине блокировал их, не желая проливать на правду свет, вынуждая меня седьмой год подряд мучиться в неведении.

Я с трудом нашла в себе силы оторвать вперенный в пустоту взгляд и вернуться в машину. Успокоившаяся на пару мгновений метель показала, что впереди никого нет. Скорее всего, оборотень мне лишь померещился. Или это был самый обычный волк, блуждавший в поисках пропитания. Но встреча с ним разбередила старые раны.

Вцепившись в руль, как в спасательный круг, уткнулась в него лицом. Слезы, непролитые за время разлуки, нашли-таки выход и покатались по щекам бурным потоком. Они лились без остановки и, казалось, им не будет конца и края. За окнами тем временем завывала вьюга. Она заглушала громкие и безудержные рыдания, оставляя меня наедине со своими страхами и нескончаемой виной.

Пожалуй, прошла вечность, прежде чем я затихла, сняла с ручника машину и вновь отправилась в путь. От голода, тряски и пережитого потрясения у меня возникло сильное головокружение. В таком состоянии сложно противостоять грозному родителю, сердце которого, со слов Мии, сильно ожесточилось за прошедшие годы. Поэтому на мирную встречу с отцом не рассчитывала. Следовало перекусить, привести в порядок мысли, в сотый раз повторить заготовленную речь, но все кафе словно сквозь землю провалились. За несколько миль мне не подалось на глаза даже закусочной, и я, скрепя зубами, продолжала медленно катиться по заснеженной дороге.

Вскоре произошло то, чего так боялась – на приборной панели красным огнем загорелся индикатор топлива. И это в считанных милях от дома!

– Вот невезенье! – выругалась я и нехотя повернула в соседний с Эмбаррасс городок, чтобы «покормить» свою обжору.

Рядом с заправкой неизменно стоял бар. Его красная неоновая вывеска манила меня, обещала накормить хрустящей жареной картошечкой или сочным чизбургером. Не в силах больше противостоять голоду, припарковала «форд» возле увеселительного заведения и вошла внутрь.

Резкий запах пота ударил в нос и заставил поморщиться. Он перестал волновать меня, едва на моей персоне сосредоточилось множество взглядов. К тому же в помещении стало неестественно тихо. Одни завсегдатаи бара удивленно вскинули брови при виде нового посетителя, другие слегка выпятили подбородки и плотно сжали губы.

За годы моего отсутствия в Авроре мало что изменилось. Местные жители по-прежнему относились к появлению чужаков с опаской. Но разве меня можно было назвать таковой? Или причина их настороженности крылась в другом?

Постепенно интерес мужчин ко мне поубавился, и они вернулись к былым занятиям: шумным разговорам, выпивке, игре в бильярд. Пожалуй, едва ли не каждый представитель сильного пола в этих краях любил погонять шары после тяжелой рабочей недели.

Лишь один визитер по-прежнему таранился на меня. Он не удосужился опустить глаза или отвернуться, даже когда я окинула его уничижительным взглядом.

Молодой человек сидел в компании сверстников с бокалом загадочного зеленого пойла. Залпом осушив его, он со стуком припечатал посудину к столу и продолжил наблюдать за мной, хоть уже и не так открыто.

На вид загадочному посетителю было около двадцати пяти, может, чуть больше. Он обладал черными как смоль короткостриженными волосами, овальным лицом, четко очерченным ртом, чуть выпяченным подбородком, орлиным носом, широким разворотом плеч. А еще, судя по тому, как брюнет возвышался над столом, внушительным ростом. Его кожу, как и мою, покрывал ровный бронзовый загар. Значит, незнакомец – по крайней мере, я не узнавала его, – не так давно вернулся из солнечных мест, где провел немало времени.

От разглядывания брюнета меня отвлек сжавшийся в комок желудок. Мысленно махнув на молодого человека рукой, я сняла пуховик и повесила его на свободный крючок в стене, служившего здесь в качестве вешалки. Занимать столик не стала, уселась на высокий красный стул и всецело сосредоточилась на тучном пожилом мужчине, орудовавшем за барной стойкой.

Отец моей бывшей одноклассницы – владелец заведения – почти не изменился за прошедшие годы. Разве что немного раздобрел.

– Добрый вечер, мистер Карстен, – приглушенно произнесла я, смущенная пристальным изучением с его стороны.

Широкие брови здоровяка взлетели вверх, а глаза едва не вылезли из орбит, как только пришло узнавание.

– Лия?! – с неподдельным изумлением воскликнул мужчина.

– Так точно, – со сдержанной улыбкой отрапортовала я бывшему вояке и устроилась поудобнее.

Неотрывный взгляд надоедливго bruneta по-прежнему преследовал меня. И это ужасно злило. Я не понимала, за какие заслуги удостоилась столь пристального внимания. Или он пялится так на всех новичков?

– Какими судьбами здесь? Давно вернулась? Как Рон? Как мама? – посыпались вопросы.

– По правде говоря, еще не видела своих. Только прилетела, – неохотно отозвалась я и внутренне съежилась. – Сюда заглянула, потому что проголодалась. Другие заведения уже закрыты, наверное.

Ответ заставил мистера Карстена нахмуриться. Казалось, он хотел спросить меня о чем-то или... предупредить. Но внезапно вновь переменялся в лице, словно посчитал, что лучше не лезть не в свое дело, и услужливо спросил:

– Что будешь заказывать?

– Травяной чай и чизбургер, пожалуйста, – произнесла с наигранной легкостью после небольшой заминки, так и не осмелившись осведомиться у владельца бара о причине его странной реакции.

Здоровяк передал мой заказ официантке и вернулся к обслуживанию других клиентов, на которых можно было заработать куда более. Правда, пару раз мельком все же посмотрел в мою сторону. В груди снова трепыхнулось волнение. Оно улеглось, когда передо мной появился поднос с едой.

Я откусила кусочек чизбургера, другой, но вкуса не почувствовала. Меня нервировал загадочный незнакомец. Не в силах испытывать больше на себе его прожигающий взгляд, в несколько глотков выпила травяной чай, расплатилась с мистером Карстеном, схватила с вешалки пуховик и быстрым шагом покинула бар.

Накинув куртку, завернула за угол, как вдруг мои запястья попали в плен чьих-то цепких и сильных пальцев. В следующий миг я и вовсе оказалась припечатанной к ледяной стене. Каково было мое удивление, когда увидела перед собой того самого загорелого bruneta. В одном пуловере!

Он мог так быстро нагнать меня, только если пулей выскочил следом. Но зачем?

Взглянув в голубые, как льдинки, глаза, ужаснулась. Полукровка! Час от часу не легче.

– Папочка голову тебе открутит или посадит под домашний арест, если узнает, что ты была здесь. Как только осмелилась? Безбашенная! Нужно было позвонить, раз не терпелось увидеться. Встретились бы в другом месте. Кстати, выглядишь теперь немного необычно. Отрастила волосы, сменила цвет за время моего отсутствия, – незнакомец понизил голос до томного шепота, а в потемневших от страсти глазах я прочла такой призыв, что вжалась в стену от испуга. – Твой запах... – brunet втянул носом воздух возле моего уха. – Как ни странно, сводит меня сегодня с ума... Разве можно перед ним устоять?

Глава 2

Я не успела выдавить ни звука, как мужские губы запечатали мой рот. В следующий миг незнакомец и вовсе властным движением языка раскрыл мои губы и ворвался внутрь. Сотни электрических разрядов пронзили тело. От изумления я растерялась, застыла ледяной статуей в пламенных объятиях полукровки. Пользуясь замешательством, он скользнул рукой мне под свитер и начал поглаживать сквозь ажурный бюстгальтер чувствительную грудь, тем временем как другой сжал ягодицу. Брюнет вел себя со мной по-хозяйски, словно имел на то право.

Следовало оттолкнуть наглеца, но я сама не заметила, как закрыла глаза и ответила на поцелуй. Мужские губы хранили вкус выпитого безалкогольного коктейля. Мята нравилась мне, а чабрец заводил волчицу.

Полукровка хрипло застонал и еще сильнее впился в мои губы, едва соприкоснулись наши языки. Меня тоже захлестнула волна желания. Я перестала понимать, где нахожусь, забыла, куда направлялась, не обращала внимания на холод и метель, на летящие в лицо крупные хлопья снега. Весь мир вокруг исчез – остались лишь он, я и разгорающееся между нами пламя.

Безвольно висевшие прежде руки сами собой взметнулись вверх и легли на широкие мужские плечи. Тело незнакомца было мускулистым и горячим, будто печка. Его жар передавался мне, распалая и без того растущее внутри влечение. Я впитывала новые эмоции подобно губке, дрожащими от возбуждения пальцами впивалась в черный пуловер незнакомца. В какой-то миг и вовсе приподняла его за края и прикоснулась к разгоряченной коже брюнета.

Мои ладони скользили по его широким плечам, мускулистой груди, спускались вниз по плоскому животу, останавливаясь на ремне джинсов. Ощущение натренированных мышц под пальцами приводило меня в восторг. Жадные поцелуи одурманивали, лишали воли и остатков разума. Я точно сошла с ума или заразилась от полукровки бешенством, раз позволяла не только бесстыдно лапать себя, но и сама участвовала в этом безрассудстве.

Я непременно задохнулась бы от нехватки воздуха, если бы незнакомец не разорвал поцелуй, после чего торжествующе улыбнулся и оперся ладонью о стену возле моей головы.

В надежде привести в порядок мысли и успокоить заходящее от стука сердце я сильнее втянула носом воздух и уловила исходившие от полукровки древесные нотки парфюма. Они смешивались с другим запахом – горьковатым, пряным, – который собственно принадлежал таинственному брюнету. Стоило задержать на пару мгновений дыхание, в голове будто взорвалась бомба. Горячая кровь запульсировала в висках. Сердце заколотилось в груди, будто пойманная птица. Мир вокруг нас закружился и исчез в белоснежной метельной мгле. Испуганная водопадом нахлынувших чувств, я невольно вздрогнула.

– Может, переведем наши отношения на новый уровень? – неожиданно спросил незнакомец, накручивая свободной рукой на палец мой локон. – К тебе не вариант. Там отец. Или хочешь поиграть с огнем? По правде говоря, я предпочитаю спокойную и располагающую к близости обстановку.

Услышанное отрезвило меня. Недолго думая, занесла руку и вlepила наглецу пощечину. Его голубые глаза полыхнули яростным огнем, черты лица заострились. Казалось, мгновение – он обернется и растерзает меня на части. Но внезапно брови полукровки взлетели вверх, а рот слегка приоткрылся.

– Ты не Мия, – озадаченно заключил он и, чуть морщась, потер пылающую от удара щеку.

– А ты догадлив, – только и сказала я сиплым голосом, нырнула ему под руку и бегом бросилась к машине.

«Полукровка явно перепутал меня с сестрой. Как такое возможно?» – задалась вопросом.

Впрочем, сейчас это не имело значения. Одна мысль, что я обнималась и целовалась с парнем Лии, привела меня в ужас. Как ей смотреть после этого в глаза? Мгновенно захотелось провалиться сквозь землю или вернуться в Тампу, даже не заезжая в Эмбаррасс. От самобичевания на щеках вспыхнул румянец. Тем временем как губы зудели, горели от легких покусываний, хранили вкус поцелуев. Украденных поцелуев...

«Вот так возвращение! Не успела добраться домой, как нашла приключение на голову. Пора убираться отсюда. Да поживее!» – с этими мыслями я вставила ключи в замок зажигания и провернула.

Двигатель пару раз чихнул, но затем исправно заработал. Видавший виды пикап не подвел в нужную минуту.

Ни разу не взглянув на место, где оставила полукровку, я нажала на педаль газа и стремительно покинула стоянку. Мне следовало как можно скорее забыть и никогда больше не вспоминать о произошедшем. Ради себя, ради Мии. А лучше сосредоточиться на дороге!

Вся Америка и ее католические верующие готовились к Рождеству. Дома повсеместно были украшены разноцветными огнями, елки и сосны – гирляндами. Только не в Эмбаррасс. Этот небольшой городок, численность населения которого составляла около пятисот человек, являлся своего рода резервацией, уголком, где в частичной изоляции от людей обитали чистокровные оборотни. Из века в век здесь царили свои законы, отмечались свои праздники. Вернее, всего один – день почитания Маико. Он приходился на первое полнолуние января. Согласно легенде, именно от этого божества произошел первый манаро. В отличие от европейских оборотней, превращавшихся с наступлением полнолуния в волкоподобных существ с интеллектом животного, у манаро таких ограничений не существовало. Даже после оборота мы сохраняли человеческий разум. Это давало нам преимущество над другими оборотнями и в то же время порождало определенные сложности...

Всего через полчаса после инцидента я пересекла по узкому мосту бурную реку – своего рода границу между городами – и будто перенеслась в параллельную реальность. Повсюду царили тишина и темнота. Последнюю порой разгоняли уличные фонари и тусклый свет, лившийся из окон домов. Встретить на территории Эмбаррасс наряженную елку или услышать рождественские песнопения было невозможно. Чужаки здесь не селились. Они просто не получали на то разрешение. Все земли в округе принадлежали одному-единственному человеку – Рону Миллвуду.

Стоило пронестись мысли о суровом родителе и подъехать к дому, как увидела в свете фар очертания знакомой фигуры. Сердце вмиг сжалось от страха. Судя по напряженным плечам, отец был не в духе.

Я заглушила двигатель и продолжила сидеть в машине, делая вид, будто собираю вещи. Мне не хватало смелости покинуть пикапа. Пусть способности передавать мысли и общаться на расстоянии у манаро в далеком прошлом, такие сильные чувства, как гнев, ненависть, скорбь, мы по-прежнему ощущали благодаря сохранившейся эмпатии.

– Эх, Лия, и чего тебе не сиделось в своей Тампе? – пробормотала я, осознав всю серьезность ситуации.

Настойка живокости полевой подавляла во мне вторую сущность. Но даже ей не под силу было справиться с жаркими удушливыми волнами опасности, исходившими от отца. Он не просто злился, а пребывал в ярости и ждал, когда непослушная дочь соизволит предстать перед ним. И ни разыгравшаяся с новой силой метель, ни лютый мороз не могли изменить его чувств и намерений.

Мне не хотелось выходить из старенького «форда». Внутри теплого грузовичка я чувствовала себя в безопасности и... пряталась от неминуемой расправы, словно нашкодивший котенок. Только испытывать терпение сурового родителя было себе дороже.

«Маико, помоги мне!» – безмолвно воззвала к покровительнице оборотней, взяла рюкзак и, судорожно вздохнув, открыла дверцу пикапа.

Порыв ветра тотчас бросил в лицо снежные хлопья и сорвал капюшон. На этот раз удача улыбнулась неугомонному сорванцу. Он хотел поиграть, но все мое внимание было приковано к высокому и статному мужчине. Отпечатавшийся в памяти образ разнился с представшим глазам человеком. Редкие фотографии, что присылала сестра, не передавали всей действительности.

За прошедшие шесть лет отец сильно похудел, а еще постарел. Некогда черные волосы стали совершенно седыми. Им в тон была аккуратная стриженная бородка с усами, которые папа прежде не носил. Вкупе с холодными серыми глазами, тонкими губами, бесстрастным выражением лица он запросто мог сойти за антигероя комиксов «Марвел». Однако я надеялась, что этого никогда не случится. Еще надеялась, что постигшее нашу семью горе не превратит и без того суровое отцовское сердце в кусок холодного гранита.

В попытке защитить лицо от яростно кусающего за щеки ветра, я нагнула голову и заспешила к крыльцу. Отец двинулся навстречу.

– Что ты здесь делаешь? Зачем приехала? – спросил он ледяным тоном, едва расстояние между нами сократилось до пары футов.

Даже будучи морально готовой к нападкам, я стушеввалась. На теплые объятия, конечно, не рассчитывала, но тот факт, что отец начал разговор ни с приветствия, ни с вопроса, как я добралась, а с упрека, выбил меня из колеи.

Вспомнив, что Рон Миллвуд не относился к людям, перед которыми можно было демонстрировать слабость, мигмом выпрямилась и без тени страха посмотрела ему в глаза.

– В Тампе меня ничего не держит. Я закончила школу.

– Почему не поступила в колледж? Судя по оценкам, проблем с зачислением у тебя не возникло бы. С деньгами на обучение тоже, – его тон по-прежнему был ледяным и колючим, таким же, как снег, что сыпал мне в лицо.

«Тогда бы я окончательно лишилась шанса на возвращение», – мысленно ответила ему, вслух же ничего не произнесла.

– Так в чем дело, Лия? – напористо продолжил отец. – Зачем явилась? И почему не согласовала со мной приезд?

– Я очень соскучилась по всем вам и хочу быть рядом, – признание, исходившее от чистого сердца, не произвело на папу впечатления. Тогда меня словно бешеная собака укусила: – Мне уже восемнадцать, и я вправе сама принимать подобные решения!

Столь дерзкое заявление было ошибкой. В один широкий шаг отец преодолел разделяющее нас расстояние и схватил меня за локоть. Даже сквозь теплый пуховик его хватка казалась стальной.

– Ошибаешься! Пока я жив и возглавляю клан, ты обязана согласовывать со мной каждый шаг, – голос отца звучал яростнее самых свирепых завываний. – Выйдешь замуж – делай, что хочешь. Если, конечно, позволит муж. А до тех пор изволь слушаться и проявлять ко мне уважение.

От боли и обиды на глазах проступили слезы.

– В чем проблема? – спросила упавшим голосом.

– Твое появление – уже проблема, – с меньшим пылом отозвался он и разжал пальцы. – Мы до сих пор не поймали напавшего на вас оборотня. По-прежнему непонятны его мотивы. Вдруг на тебя будет совершено новое нападение? Не хватало еще, чтобы ты повторила участь своей матери, а я не уверен, что смогу обеспечить твою безопасность. И это не все! Ты и трех часов не провела в Миннесоте, как успела наворотить дел.

– Что я натворила? – в недоумении уставилась на отца.

– Поставила под сомнение мой авторитет. Я запретил манаро ходить в бар к Карстену, а ты возьми и появишься там. Ты – старшая дочь главы клана! Та, на ком лежит ответственность за его будущее! Война с полукровками не закончилась, просто перешла в стадию вялотекущего конфликта. Ты же подлила масла в огонь, ступив на территорию врага. Какого рожна вообще туда поперлась? Захотела есть? Могла потерпеть полчаса, раз уж прилетела, – ранее бесстрастное лицо отца побагровело.

– Я не знала! – прокричала в оправдание.

– Незнание правил и законов не избавляет от ответственности. Ты готова понести наказание за свою выходку? – его слова полоснули меня подобно ножу.

– За что ты так со мной? – мой голос невольно дрогнул.

Выдержка дала трещину, слезы непроизвольно потекли по щекам. Отец поморщился, словно испытал вину за сказанное. Мне явно показалось, ведь Рону Миллвуду незнакомо это чувство!

– Всякий раз, Лия, когда ты поступаешь по-своему, следует ждать беды. Твое неповиновение неизменно заканчивается трагедией. Разве не так? – с нажимом спросил папа.

– Не так! До сегодняшнего дня я лишь однажды послушалась тебя, – немедля возразила ему.

Сами того не желая, мы подошли к разговору, которого избегали шесть лет.

– И к чему это привело? – в голосе отца звучала горькая ирония.

– Я была ребенком. Двенадцатилетним ребенком! – попыталась сквозь слезы воззвать к его разуму и состраданию.

На бледном, искаженном гневом лице сверкнули красные глаза.

– Тебе было приказано сидеть дома! – дико взревел он. – Запереть все окна, двери и сидеть дома! А что сделала ты? Благо, ума хватило не тянуть с собой сестру!

– Ты меня ненавидишь?

Сердце остановилось в ожидании ответа. Я боялась, что за его грохотом не услышу столь желанное «конечно, нет!». Но время шло, и ночную тишину нарушало лишь завывание метели. Тело налилось опустошающей болью, как если бы меня избили. Видимо, самобичевания, которыми я занималась не один год, отцу было мало.

Мы зашли в тупик и никто из нас не знал, что делать дальше. Ужасно хотелось развернуться и уехать обратно в Тампу, а еще больше остаться. Но как жить рядом с человеком, который тебя ненавидит? Разве молчание не знак согласия?

Казалось, выхода нет, как внезапно отец задрал голову, закрыл глаза и повел носом по ветру. Его лицо выражало сильное беспокойство, а взгляды, которые он бросал по сторонам, свидетельствовали о некоей тайной опасности.

– Марш в дом! – приказал папа. – Улица не место для серьезных разговоров.

Поправив лямку рюкзака, я развернулась и молча направилась к машине. Всего два шага по обледенелой дорожке – и моих ушей достигло приглушенное ругательство, а затем гневный оклик:

– Лия! Немедленно объясни, почему от тебя разит этим недоноском?!

Ненависть в его тоне привела меня в замешательство.

– Кем? – растерянно захлопала ресницами, на которые без остановки оседали крупные хлопья снега.

Догадка вспыхнула в мозгу ледяной молнией прежде, чем услышала:

– Форестером! – папа скривился от омерзения.

Я с трудом сдержала изумленный возглас, услышав фамилию главы клана полукровок.

«Выходит, Мия встречается у отца за спиной с сыном нашего заклятого врага? О, Майко, как меня только угораздило вляпаться в эту историю?!» – вела сама с собой диалог под испытующим взглядом грозного отца.

– Не знаю. Хотя... столкнулась с каким-то типом у входа в бар, – солгала в надежде, что метель скроет от его зоркого глаза выступивший на моих щеках румянец. – Если, конечно, высокий брюнет и есть тот, о ком ты говоришь. По крайней мере, я с ним не знакома.

Захотелось добавить, что попросту не успела этого сделать и в следующий раз непременно исправлю недоразумение, но предпочла прикусить язык. Ирония была сейчас не к месту. Да и знакомиться с нахалом я не собиралась.

Несколько бесконечно долгих мгновений папа всматривался в мое лицо пронизывающим душу взглядом, после чего молча развернулся и устремился в дом.

– Вот и поговорили, – прошептала на выдохе и направилась к машине.

Открыв дверцу со стороны пассажирского сиденья, я вытащила чемодан и поплелась следом за отцом, который ни разу не обернулся, не предложил помощь. Он по-прежнему злился на меня за неповиновение. Однако в сердце зародилась надежда, что мне будет позволено остаться в родном доме. Рядом с папой, сестрой и... мамой.

Я пыталась нагнать отца, но у порога оказалась, только когда его нога ступила в прихожую. Хорошо, хоть дверь не закрыл перед носом.

– У тебя снова включился динамик? – услышала девичий голос, подобный обволакивающей медовой сладости.

Раньше сестра вечно грубила суровому родителю, теперь была необычно услужливой.

– Нет, – ответил отец, и мое сердце сжалось на миг от досады.

Он общался с Мией иначе: без укора и ледяного тона. Да и понимали они друг друга с полуслова. Нам же могло не хватить и тысячи фраз.

– Тогда почему я слышала голос Лии? – недоуменно поинтересовалась близняшка.

– Сейчас сама узнаешь, – без иронии отозвался он, что не могло не радовать.

Отец отошел в сторону, пропуская меня вперед. Карие глаза сестры округлились и стали походить на две коричневые пуговицы от любимого мамино пальто.

– Лия?! – изумленно вскрикнула Мия, как только обрела дар речи.

Я не раз рисовала в воображении нашу встречу. Представляла, как сестра, точно в фильме, радостно завизжит и со слезами бросится ко мне обниматься. Но ее удивление быстро сменилось... недовольством? Мия продолжила стоять на прежнем месте, не сдвинувшись ни на дюйм.

«Что за день сегодня такой-то?! Почему мне здесь все так „рады“?» – проворчала про себя.

Мы долго изучали друг друга, словно не виделись сто лет, хотя неделю назад общались по видеосвязи. Вечно стянутые в хвост волосы подчас разговора, теперь темным каскадом обрамляли худое, щедро накрашенное личико Мии. От длинных пружинистых завитков остались лишь короткие – до плеч – широкие локоны. За прошедшие семь дней она подстриглась. Снова. Еще короче. Избыток косметики прибавлял сестре лет пять как минимум. И без того темные глаза чернели на фоне бледной кожи, чуть пухлые губы покрывал толстый слой ярко-розового блеска, на высоких скулах виднелись следы румян цвета красного кирпича. Модные спортивные штаны и белый топик облегли стройную девичью фигуру, будто вторая кожа. Ни времени, ни папиных денег Мия явно не жалела на себя. Только к чему все старания? И не переусердствовала ли она?

Внезапно тяжелая отцовская ладонь легла на мою спину и слегка подтолкнула вперед.

– Не выстуживай дом. Проходи и размещайся. Вещи оставь. Позже принесу их.

Папа закрыл входную дверь, передернул плечами, рассыпая вокруг брызги талой воды, и широким шагом скрылся в кабинете. Казалось, ему срочно понадобилось побыть одному, чтобы подумать о завтрашнем дне.

Я молча сняла сапоги и пуховик. Повесила его для просушки на фигурный лестничный столбик, поднялась на второй этаж и направилась к комнате, в которой жила до тех ужасных событий, вынудивших покинуть Миннесоту.

В тепле и в стенах родного дома на меня навалилась усталость долгих лет разлуки. До заветного отдыха оставалось совсем немного – протянуть руку к двери и толкнуть ее – как внезапно на пути возникла преграда.

– Теперь здесь моя комната! – предупреждающе воскликнула Мия и, раскинув руки в стороны, заслонила собой проем.

– Без проблем, – небрежно повела я плечом, хотя на долю секунды ощутила в сердце щемящее чувство обиды. – Тогда я займу твою. Мне не важно, где жить.

В следующий миг произошло то, чего я опасалась: Мия чуть заметно повела носом по воздуху и сощурила глаза, в которых промелькнула ярость. Тем не менее сестра не произнесла ни слова, словно ничего не почувствовала. Как же!

– Она тоже занята. Я сделала из нее гардеробную, – близняшка дерзко вскинула подбородок. Казалось, она нарывалась на выяснение отношений. Вразрез ее желанию я промолчала. Тогда Мия, будто на правах хозяйки дома, добавила: – В восточном крыле свободны гостевые комнаты. Можешь там остановиться.

«Остановиться?» – повторила про себя и горько усмехнулась.

В словах близняшки слышалась непоколебимая уверенность в моем скором отъезде. Захотелось немедленно дать понять Мии, что я никуда не уеду. Ни завтра, ни послезавтра, ни через месяц. Я вернулась насовсем, но была слишком уставшей, чтобы втягиваться в спор.

Поправив съехавшую с плеча лямку рюкзака, развернулась и устремилась в правую часть дома, в которой никто никогда не жил. Разве что на день-два там останавливались старые знакомые родителей. Но когда это было?

Из трех гостевых комнат я выбрала среднюю, с некогда ярко-оранжевыми обоями. Они поблекли от времени и теперь почти не резали глаз. Дощатый пол неприятно скрипел под ногами. Деревянный шкаф немного покосился, кружевные занавески на окнах пожелтели. Однако кровать здесь была двуспальной и в разы превосходила ту, что согревала меня длинными бессонными ночами последние шесть лет. Имелся в комнате и письменный стол с парой кресел. Остальное – дело наживное. Уверена, отец позволит обновить интерьер. Еще и денег даст.

– Ужинать будешь? Есть немного лазаньи, – голос сестры отвлек меня от изучения и без того хорошо знакомой обстановки.

– Нет, спасибо. Я мечтаю сейчас лишь об одном – помыться и забраться в постель. Ужасный перелет отнял все силы.

Бросив на покрывало увесистый рюкзак, вновь взглянула на Мию и заметила на ее левой ключице татуировку в виде волка, что темным пятном выделялась на белоснежной коже. От увиденного я пришла в такое смятение, что на пару мгновений потеряла дар речи.

Манаро предпочитали вести скрытный образ жизни, делать татуировки в неприметных местах и не заявлять о себе во всеуслышанье. Негласные, но всеми соблюдаемые правила. Мия знала их как пять пальцев. Тогда зачем нарушила? Бунтарство в чистом виде.

«Интересно, что на ее выходку сказал папа?» – задалась вопросом, но лезть не в свое дело не собиралась. Раз отец – глава клана, пусть сам разбирается с еще одной непокорной дочерью.

После кратких размышлений я пришла к выводу, что сестра не сделала ничего плохого. Желанием выставить напоказ своего волка Мия заявляла, насколько дорожила второй сущностью.

– Красивая татуировка, – произнесла в намерении польстить близняшке и найти общий язык. – Ее не было, когда я покидала Эмбаррасс.

Стремление заметить, как сильно сестренка выросла за время разлуки, едва не обернулось ссорой.

– Я обрела волка. Позже тебя, но обрела! – с вызовом бросила она и вздернула подбородок, словно увидела в моих словах попытку принизить ее.

– Мия, ты все не так поняла. У меня и в мыслях не было обидеть тебя, – вкрадчиво произнесла я, испустив тяжелый вздох. – Всего лишь хотела сказать, сколько упустила за прошедшие шесть лет.

– Да! Здесь многое изменилось, – даже после моих разъяснений сестра не изменила тон. «Ты тоже. Правда, пока не решила, в лучшую ли сторону», – я не стала озвучивать мысли, пощадила ее чувства.

Казалось, беседа подошла к концу, но Мия не успокаивалась:

– Зачем приехала?

Сестра пыталась говорить сдержанно, однако злость прорывалась наружу.

Очередной упрек с ее стороны послужил своего рода спусковым крючком. Если я осмелилась дерзко ответить отцу, почему теперь должна молчать?

– Захотела и приехала, – отозвалась в ее же тоне. – Еще скажи, что у тебя должна была спросить разрешения.

– Нельзя сваливаться людям как снег на голову.

– Нарушила ваш привычный образ жизни? Извините. От клана меня не отлучали. И, если помнишь, я не по своей воле уехала отсюда и поселилась за тысячи миль от дома.

– Сама виновата, – отрезала Мия. – Нечего было идти тогда в лес.

– И это ты мне говоришь?! – возмутилась я и шагнула вперед.

Несмотря на слой тонального крема, лицо сестры вмиг покрылось красными пятнами.

– Я тебя не заставляла, – быстро пробормотала она.

– Верно, не заставляла. Но, видимо, забыла, как в тот день только и твердила с самого утра, что я не должна постоянно слушаться родителей, иначе никогда не обрету волка. Кстати, ты рассказала об этом отцу?

– Нам было хорошо без тебя, – если Мия хотела побольнее уколоть меня, у нее получилось.

Я потеряла способность говорить. Правда, быстро взяла себя в руки и открыто сказала:

– А мне нет. Я страдала вдали от вас и, поверь, не хватала с неба звезд. Из нас двоих ты всегда была более самостоятельной.

– Это да... Ты любила цепляться за мамину юбку, – с довольной усмешкой произнесла она. Лесть сработала, но эффект длился недолго. Спустя мгновение Мия переменилась в лице. – Только не вздумай заявиться к ней сегодня. Она спит. Ты вообще понимаешь всю безответственность своего поступка?

– И в чем заключается моя безответственность? В желании быть со своей семьей?

– Твое возвращение может навредить маминому здоровью, – привела она весомый довод.

Я не раз размышляла над тем, не станет ли маме хуже, когда она услышит мой голос, только ничего не смогла с собой поделать.

– Лучше уезжай, Лия, иначе... – у сестры не хватило смелости закончить фразу.

– Иначе что? Договаривай, раз начала, – несмотря на требовательный тон, близняшка продолжила молчать. Тогда высказалась я: – Тебе следует уяснить, что я вернулась ни на день или на два, а насовсем. И никто не заставит меня покинуть родительский дом.

– Это мы еще посмотрим, – она четко выговорила каждое слово, будто прочла приговор.

Внезапно в голове вспыхнуло озарение.

– Что с тобой, Мия? Не узнаю тебя. Разнервничалась отчего-то. Что, кроме комнаты, ты решила у меня отнять? Законное место в клане? – спросила с показным равнодушием.

– Сдалось оно мне, – фыркнула сестра, и на ее щеках вновь проступил румянец.

– Тогда что?

Мы сверлили друг друга прожигающими взглядами. Я ждала ответа, только Мия упорно не хотела давать его мне.

– Что за ругань стоит? – требовательно спросил весьма некстати появившийся отец.

Пользуясь моментом, Мия пулей выскочила в коридор.

– Вспоминаем, каково это жить под одной крышей, – отшутилась я, уверенная, что со временем все наладится.

Папа поставил на пол чемодан, обвел помещение изучающим взглядом, будто видел впервые, и немного растерянно протянул:

– Сейчас же скажу Мии, чтобы освободила твою комнату.

– Не нужно. Меня все устраивает, – произнесла скороговоркой, желая остановить отца, уже сделавшего шаг к выходу. Новый скандал был ни к чему. – Если ты не против, я здесь остановлюсь.

– Почему я должен быть против? – его широкие брови вопросительно поднялись. – Делай, как знаешь. Лия, нам нужно многое обсудить. Правда, не сегодня. Время позднее, не до разговоров. Отложим их на завтра. И это... Я перевел денег на твою карточку. Если завтра будет хорошая погода, съезди в Дулут, пройдишь по магазинам. Купи все необходимое.

Несмотря на услышанное, я прекрасно понимала, что отец не отказался от желания вернуть меня в Тампу. Просто пошел на временные уступки. И это не могло не радовать.

– Спокойной ночи! – пожелал папа и ушел.

Наконец-то я могла побыть одна и беспрепятственно распаковать немногочисленные вещи. Не прошло и минуты, как меня затрясло – запоздалая реакция на пережитое. Бросив разбирать чемодан, отправилась в душ. К счастью, его не нужно было с кем-либо делить.

Горячие струи быстро прогнали из тела дрожь. Стоило согреться, вспыхнули воспоминания, которые, я надеялась, сознание навсегда похоронило на задворках. Кровь в венах вмиг превратилась в обжигающую лаву.

Я крепко зажмурилась, сражаясь с нахлынувшим потоком запретных мыслей и образов. Не помогло. Выругавшись, включила прохладную воду, вымылась за считанные мгновения, подобно газировке из встряхнутой бутылки выскочила из душа и забралась в постель.

Время было позднее, голова гудела от усталости, тем не менее я боялась закрыть глаза. Все из-за кошмаров, преследовавших меня из ночи в ночь. В них я убегала от огромного оборотня, и пока ни разу мне не удалось уцелеть...

Глава 3

Сон отступил мелкими шажками лишь в начале десятого. До зубного скрежета не хотелось пересекаться с Мией. Но разве это возможно? Повалившись немного в кровати, умылась, натянула джинсы, черный свитер под горло и спустилась вниз.

Сестра орудовала на кухне, наливала себе травяной чай. Заметив меня, широко улыбнулась. На ее лице не было ни тени неприязни или раздражения, словно накануне между нами не пробежала черная кошка.

– Доброе утро! – бодро и весело поздоровалась близняшка. – Как спалось?

– Отлично, – солгала я.

От очередного кошмара не уберегли даже родные стены.

Стоило мне опуститься на прежде любимое место, как сестра виновато затянула песню:

– Лия, умоляю, прости. Не знаю, что на меня вчера нашло. На самом деле я рада твоему возвращению. Просто ты так неожиданно прилетела. Надо было предупредить, я бы приготовила к твоему приезду и комнату, и что-нибудь вкусное.

Моя рука застыла в воздухе на полпути к лицу. Желание убрать упавшую на нос волнистую прядь резко пропало. Я попросту забыла о ней. Да что там забыла! Услышанное настолько поразило меня, что я потеряла дар речи и могла лишь растерянно хлопать глазами, не сводя их с сестры.

Очевидно, отец все-таки поговорил с Мией. Иначе с чего она вдруг стала сама доброта?

Не успела толком прийти в себя, как близняшка вновь повергла меня в шок.

– Держи, – с непринужденной улыбкой она водрузила передо мной чашку горячего шоколада. – Помнится, мама готовила тебе его каждое утро.

Порыв признаться, что уже шесть лет как не пью любимый прежде напиток, угас под натиском пробудившейся совести.

– Спасибо, – поблагодарила сестру, сделала глоток и поставила чашку обратно на стол.

Возможно, у меня изменились вкусы, возможно, сказывалось пробуждение волчицы после отказа от настойки живокости, в любом случае мне больше не нравился горячий шоколад. Он горчил, несмотря на сильную сладость. К тому же от напитка исходил не очень приятный запах. Попытки разобраться, что он напоминает, потерпели крах. Бросив гиблое дело, я просто грела руки о горячую поверхность посуды и лишь изредка подносила для вида к губам.

– Какие планы на сегодня? – продолжила меж тем Мия.

Я призадумалась. Сидеть взаперти в четырех стенах и в цепких объятиях воспоминаний не хотелось, поэтому решила последовать совету отца – съездить в Дулут.

– Пройтись по магазинам. Составишь компанию?

Раз сестре хватило духу пойти после вчерашнего на примирение, почему бы мне не поступить точно так же.

– Не могу, прости. Срочные дела. Да и мама сиделка приедет только через два часа, – Мия нервно теребила прядь за правым ухом.

– Тогда пойду собираться. Раньше выберусь, раньше вернусь. Вдруг снова разыграется метель.

Я поднялась из-за стола, но не успела даже шага ступить, как сестра воскликнула:

– А горячий шоколад? Ты и половины не выпила. Я так старалась...

В довесок к обиженному тону она надула губы, чем привела меня в замешательство. Раньше Мия не позволяла себе ничего подобного.

– Возьму с собой, в комнате допью.

Казалось, ответ устроил близняшку, поскольку она вновь заулыбалась, едва чашка оказалась у меня в руках.

– Как знаешь. Может, проведешь маму? – вкрадчиво спросила она, в очередной раз пересекая мой уход.

– Проведаю, но... – голос надломился, стало сложно говорить, будто чья-то невидимая рука сдавила горло.

– Но что?

– Позже. Когда вернусь.

Мия закатила глаза и всплеснула руками.

– Лия, не будь трусихой. Если ты из-за моих слов откладываешь встречу, то забудь о них. Маме не станет хуже. Она очень любила тебя, готова была жизнь отдать во твоё спасение. Может, мама, наоборот, пойдет на поправку, когда услышит твой голос и поймет, что с тобой все в порядке.

Спазм сдавил горло. В итоге я не выдавила ни звука в ответ, только кивнула, вымученно улыбнулась и покинула кухню. В гостевой спальне первым делом вылила в раковину горячий шоколад. Чашку мыть не стала. Пусть Мия думает, что я все-таки допила его. Зачем лишний раз обижать сестру?

Я не стала переодеваться, лишь нанесла легкий макияж и с горем пополам расчесала волосы. Захватив рюкзак, покинула свою обитель.

Вопреки желанию заглянуть к маме по возвращении из Дулута, сама не поняла, как с гулко бьющимся сердцем оказалась у двери некогда родительской спальни. Прошло не меньше двух минут, прежде чем мне хватило смелости нажать на ручку и войти в просторную комнату.

Нервно сглотнув, чтобы смочить пересохшее от волнения горло, я боязливо подошла к медицинской кровати, на которой лежала маленькая и худенькая женщина с разметавшимися по подушке медно-каштановыми волосами. От некогда веселой и жизнерадостной Кейт Миллвуд осталась лишь тень. Ее кожа на фоне белоснежных простыней казалась бледной, почти прозрачной. Глаза запали точно от тысячи бессонных ночей и вселенской усталости. Но больше всего пугал вперенный в пустоту взгляд.

Мама мало походила на живого человека, скорее на восковую фигуру. Видеть любимого человека в таком состоянии было больно. Вдвойне больнее было от мысли, кто в этом виноват. Утешало лишь осознание, что мама еще жива и у нее есть шанс снова стать здоровой и полной энергии женщиной, тонким лучиком надежды грело мне душу.

Набежавшие слезы застелили глаза. Я посмотрела в окно, не позволяя им пролиться, перевела дыхание и опустила на стул возле кровати.

– Мама... – почти беззвучно произнесла я и бережно взяла ее за руку. Тонкие пальцы были холодны как лед, однако пульс бился ровно. – Прости, что не навещала эти годы, не получилось... Но я вернулась и теперь каждый день буду рядом. Мне стольким нужно поделиться. Хотя, по правде говоря, не знаю, с чего начать...

Возникший ком в горле заставил меня замолчать. Сглотнув его, в очередной раз посмотрела в окно и дрожащим голосом произнесла:

– Давай для начала я куплю книгу твоей любимой писательницы и немного почитаю, потом расскажу, как жила последние шесть лет. А сейчас прости, родная, мне нужно идти.

Я бережно убрала прядь с маминого лица, поцеловала в лоб, но она никак не отреагировала. Ни поморщилась, ни вздрогнула, продолжила смотреть в потолок пустым взглядом. Я взбила подушку, подоткнула одеяло, прямо как мама мне в детстве, и покинула комнату.

Спешный уход походил на бегство, но мне нужно было время, чтобы свыкнуться с ее нынешним видом и перестать ежесекундно корить себя за произошедшее.

В коридоре я столкнулась с Мией. Как раз в тот момент, когда вытирала со щек два тоненьких соленых ручейка. В глазах близняшки отразилось понимание.

– Будет тяжело только первые дни, потом станет легче. Но не намного, – еле слышно прошептала она и в подбадривающем жесте положила ладонь мне на плечо.

– Она всегда... такая? – я не смогла подобрать подходящих слов.

Назвать маму немощной и апатичной у меня не повернулся язык.

– Всегда. И что самое ужасное, врачи не дают никаких прогнозов. Сделаны всевозможные анализы, пройдены всевозможные исследования, но никто по-прежнему не знает толком, что с ней. Существует вероятность, что...

– Нет! Мама поправится! – прокричала я, скорее всего, от отчаяния, не позволив сестре закончить фразу.

– Лия... – сокрушенно покачала она головой.

– Она поправится, вот увидишь! – воскликнула на этот раз без тени сомнения, словно давала обещание себе и этому огромному миру.

Не желая слушать возражений Мии, которые вот-вот должны были сорваться с ее губ, я ринулась на первый этаж, где в два счета натянула сапоги и накинула пуховик.

Уверенная, что грузовичок еще придется поискать в одном из сугробов, выскочила во двор и замерла точно ледяная скульптура. Старенький пикап был лишь слегка припорошен снегом. Кто-то заботливо почистил его после вчерашнего бурана. Нынешней Мии ни за что не взбрело бы подобное в голову. Неужели отец?

В машине меня ждал еще один сюрприз – полный бак бензина. Сложив два и два, я догадалась, кто сегодня был моим Санта Клаусом. Только при нем подобных слов говорить нельзя!

Настроение значительно улучшилось. Широкая улыбка сама собой появилась на губах.

– Ох, папа, как же мне тебя не хватало!

Глубоко вздохнув с неким облегчением, я завела двигатель, включила радио и покатила по тихим заснеженным улицам такого маленького, но такого любимого городка.

Глава 4

Денег отец перевел на карточку столько, что их хватило бы на пять моих «фордов». Я даже собиралась купить новый ноутбук, но в последний момент передумала. Вместо него приобрела всякую всячину: диванные подушки, настольную лампу, яркое цветастое покрывало, пару новых свитеров и джинсов. Папе в подарок взяла кожаный ремень, Мии, поскольку она любила рисовать, профессиональный альбом для эскизов. Меня привлекли в нем черные листы и спиральное крепление.

О маме я, конечно, не забыла. Книжный магазин находился на выезде из Дулута, поэтому в списке он значился последним.

В трехэтажном здании я напрочь забыла о времени. Что может быть чудеснее, чем держать книгу в твердом переплете, ощущать запах типографской краски, слышать хруст бумаги? А если при этом тебя окружает атмосфера праздника: повсюду звучит музыка и искренне улыбаются люди, пришедшие в супермаркет в поисках подарков, в огромных залах стоят наряженные елки?

– Счастливого Рождества! – доносилось со всех сторон.

Впервые за долгое время я почувствовала себя живой. В душе появилась уверенность, что моим скитаниям пришел конец.

Книжный магазин я покидала в обнимку с увесистым пакетом и едва не выронила его, заметив на противоположной стороне улицы знакомую фигуру. Волей-неволей закрались сомнения – вдруг померещилось? – но они развеялись, когда полукровка поднял руку в приветственном жесте и уверенным шагом направился в мою сторону.

– Мамочки, – в панике прошептала я, судорожно втянула носом воздух и бегом бросилась к машине.

Прогреть двигатель не стала. Стоило ему завестись, нажала на педаль газа и сорвалась с места.

Вскоре Дулут остался позади. Тем не менее сердце продолжало бешено колотиться. Его громкие удары заглушал разве что гул мотора. Я пыталась выкинуть из головы очередную случайную встречу с Форестером, но тщетно. Учитывая события прошлого вечера, он не мог обознаться.

– Что ему понадобилось от меня? – задалась вопросом. – Хотел попросить ничего не рассказывать Мии? Не стоило. Сама прекрасно понимаю, чем это чревато.

«Что ни день, то столкновение с врагом! Хоть ты теперь из дома не выходи...» – подумала я и нервно забарабанила большими пальцами по баранке.

Спустя четверть часа разыгралась сильная метель. Мне снова выпало добираться в Эмбаррасс со скоростью черепахи. Однако замерзнуть посреди леса с пустым баком на этот раз не грозило, так что можно было расслабиться и включить музыку погромче.

Я только убедилась, что все хорошо, как ни с того ни с сего прямо на ходу заглох двигатель. Машина прокатилась по инерции несколько футов вперед и намертво встала.

– Давай, моя хорошая. Еще немного – и мы дома, – уговаривала пикап.

Попытки реанимировать его ни к чему не привели. Тем не менее я не паниковала, знала, что отец приедет за мной, как только позвоню ему. Однако вскоре возникла новая проблема: поиски телефона закончились провалом. Его не оказалось ни в карманах пуховика, ни в рюкзаке. Скорее всего, я забыла смартфон на прикроватной тумбочке в гостевой спальне.

Невольно пришло осознание, что я оказалась в плену у снежной бури. Инстинкт выживания забил тревогу.

«Что делать?» – раз за разом вспыхивал в голове вопрос.

После недолгих размышлений я решила выйти из пикапа и остановить какую-нибудь машину, что тоже оказалось проблематично. За десять минут переминая с ноги на ногу мимо проехала всего одна легковушка, и та не пожелала даже притормозить. Но я по-прежнему не теряла надежды, что появится человек, который спасет меня из снежного заточения или хотя бы позволит позвонить отцу.

Еще десять минут ожидания, и высшие силы услышали мои мольбы – на горизонте замаячила машина. Я выскочила на проезжую часть и энергично замахала руками. Серебристый внедорожник сбавил скорость и остановился рядом с моим грузовиком.

Радости заметно поубавилось, когда со стороны пассажирского сиденья опустилось стекло.

– Нужна помощь? – прозвучал глубокий с чувственными хриловатыми нотками голос.

«Откуда ты только взялся на мою голову, пес шелудивый?! Послание от Санта Клауса? Только в роли рождественского подарка или наказания за плохое поведение?» – вела сама с собой разговор, глядя на довольно ухмыляющегося Форестера.

– Нет! – из-за воя метели мне пришлось поднапрячь голосовые связки.

На миг я подумала, что полукровка не расслышал ответа. Вместо того чтобы поехать дальше своей дорогой, он вышел из внедорожника и встал напротив. Дневной свет не исказил и не испортил черты его лица. Сегодня Форестер выглядел так же привлекательно, как и вчера в баре. Или даже лучше... Гладко выбритый, в черной удлиненной куртке, брюках того же цвета, с дорогими часами на запястье он казался мне неотразимым.

– Предпочитаешь замерзнуть, чем получить от меня помощь? – хмыкнул он и с серьезным видом спросил: – Что с машиной?

– Не знаю, – я внутренне сжалась под его холодно-пристальным взглядом. – Заглохла на ходу и больше не заводится.

Без лишних вопросов и комментариев брюнет поднял капот пикапа, подергал какие-то провода и с уверенностью знатока заключил:

– Проблема в генераторе.

– И что теперь?

В машинах я ничего не понимала, но, судя по мрачному тону Форестера, дела мои были плохи.

– Выбор у тебя невелик, – он закрыл капот, энергично потер ладони друг о друга и только тогда посмотрел на меня. – Остаться здесь в ожидании помощи. В субботу, во второй половине дня, да еще в непогоду...

Я и без его замечаний понимала, что ждать придется долго.

– Или? – поторопила полукровку со вторым вариантом.

– Или поехать со мной. В пяти милях отсюда мой дом. Пока будешь отогреваться, твою машину починят и доставят в лучшем виде.

Крупные хлопья снега больно хлестали по лицу, а мороз кусал за щеки. Мечты о теплом плеле и чашке ароматного чая подталкивали принять приглашение Форестера, но сдаваться во власть врага под напором трудностей я не собиралась.

– Кто? – резко спросила и вжала голову в плечи.

– Мои люди.

– Лучше я посижу в гараже тем временем.

– Это далеко не гараж, и посторонним вход туда воспрещен, – категорично заявил полукровка.

Что делать? Отец оторвет мне голову, а Мия разделается с остальными частями тела, если я сяду к Форестеру в машину. Не говоря уже о том, что проведу некоторое время в его доме.

Прежде чем я что-либо ответила, Форестер продолжил с циничным смешком:

– Есть еще третий вариант. Можешь обернуться и уже через час быть дома.

Несмотря на колючий ветер, кровь прилила к щекам. Этот вариант мне тоже не подходил. Волчица только начала просыпаться. Она не откликнется на зов. А если и откликнется, ей не хватит сил даже показаться во всей красе.

– Я...

– Не трудись искать оправданий. Мне известен твой секрет. Так что выбираешь? – с нажимом спросил Форестер.

«Какой еще секрет? – мысленно фыркнула я. – Волчьих ягод объелся, что ли?»

Перспектива слушать его бредни всю дорогу, а потом и дома меня не прельщала. К тому же вдруг он задумал что-то недоброе?

– Подожду следующую машину, – пробормотала достаточно громко, чтобы оказалась услышанной.

– Как знаешь. Счастливо оставаться, – с неподдельной небрежностью произнес полукровка и поднял руку в знак прощания.

У меня приоткрылся рот от удивления, когда увидела, с каким равнодушием Форестер повернулся и направился к внедорожнику.

– Неужели возьмете и без зазрения совести бросите меня здесь? – прокричала ему в спину. – Одну? Беспомощную? В метель и мороз?

– Почему нет? – не оборачиваясь, пожал он плечами.

Полукровка говорил совершенно серьезно. Как только я осознала перспективу остаться погребенной заживо под толщей снега, бросилась за ним следом.

– Подождите!

Форестер неторопливо повернулся. На его губах играла улыбка победителя.

– Что такое? Передумала? Значит, ты не так глупа, как мне показалось.

– Вы можете позвонить в автомастерскую? – я проигнорировала колкое высказывание.

Мгновение полукровка колебался, затем все же достал из кармана куртки телефон, покопался в нем и приложил к уху. Спустя пару минут он с мрачным видом произнес:

– Оба номера из моего справочника не отвечают. Хочешь позвонить отцу?

– Исключено, – замотала я головой, прижимая к пуховику озябшие руки.

– Тогда пока, – отсалютовал Форестер телефоном и вновь направился к джипу.

– Стойте! Я поеду с вами! Но только потому, что у меня нет выбора, – торопливо добавила, едва вновь увидела его самодовольную улыбку.

Казалось, он получил желаемое и теперь был в восторге от самого себя.

Я перенесла многочисленные пакеты в джип и забралась на пассажирское сиденье рядом с водителем, который предпочел не помогать мне с вещами. Все это время Форестер разговаривал по телефону. При этом довольно строгим тоном. Закончив, он завел двигатель, и мы понеслись в эпицентр снежной бури. Пушистые хлопья метались в воздухе в диком танце, «дворники» двигались туда-сюда, с трудом справляясь с белой пеленой.

Ограниченное пространство, исходившая от полукровки сила наряду с древесными нотками мужского парфюма и едва различимым пряным запахом заставили мои нервы натянуться, будто безжалостно накрученные кем-то гитарные струны. Сердце заколотилось точно сумасшедшее, кровь понеслась по венам огненной лавой. Я схватилась за ручку двери, словно утопающий за соломинку, и крепко сжала ее. Тихий хруст под напряженными пальцами вынудил меня убрать руку. Сломать что-либо в дорогом автомобиле – последнее, чего мне сейчас хотелось.

Вдыхая раз за разом манящий запах полукровки, я невольно начала вспоминать, как страстно Форестер целовал меня вчера, как сама прижималась к нему и таяла в его крепких объятиях. Происходящее походило на наваждение. Следовало немедленно избавиться от навязчивых образов, иначе быть беде.

Во спасение ситуации я обратилась к водителю серебристого джипа с вопросом:

– Зачем вы искали со мной встречи?

Полукровка отвлекся на миг от дороги, чтобы посмотреть на меня.

– Может, перейдешь уже на «ты»?

С кем-нибудь другим я давно бы так поступила, но с ним предпочитала держаться подчеркнуто официально.

– Мы не настолько хорошо знакомы, чтобы...

– Ближе познакомиться можно только в постели. Но ты отказалась, когда залепила мне пощечину. Поэтому, считаю, после случившегося мы просто обязаны перейти на «ты». Ну так как?

– Я не знаю вашего имени, – слетело с моих губ признание.

Ни для кого не являлось секретом, что у Дилана Форестера было двое детей: сын и дочь. Но их имена оставались для меня секретом, поскольку ни он, ни она не ходили в нашу школу. По крайней мере тогда.

Полукровка бросил на меня быстрый взгляд, будто хотел убедиться в правдивости слов, и снова уставился на дорогу, утопавшую в водовороте снежного бурана.

– Меня зовут Деррен.

Двойное «р» в исполнении голубоглазого брюнета походило на звериное рычание. Он носил достойное имя для будущего альфы. Пожалуй, даже слишком, учитывая, кем он был.

– Так зачем... Деррен, ты искал со мной встречи? – повторила вопрос, который едва не вылетел из головы.

– Хотел извиниться. Я не любитель подобных поступков, но вчерашний инцидент обязывает. Так что... прости, что перепутал тебя с сестрой.

– Как такое возможно? – в моем голосе прозвучало недоумение.

– До вчерашнего вечера я понятия не имел о твоём существовании. Мое детство прошло в Англии. Собственно, там и школу закончил. В Америку вернулся, только чтобы поступить в Гарвардский университет, поэтому долгое время не интересовался кланом. По окончании учебы примкнул к семейному бизнесу и стал вникать в дела. С твоей сестрой я познакомился в кафе, правда, вскоре вынужден был уехать на полгода в Японию. Вернулся только вчера, увидел в баре девушку, как две капли воды похожую на Мию, неудивительно, что я вас перепутал. Хотя теперь вижу, что вы совершенно разные.

Несмотря на оправдания Форестера, я не находила объяснений произошедшему. Казалось, он почувствовал мое замешательство, поскольку внезапно продолжил:

– Мия никогда о тебе не рассказывала, Рон всегда появлялся в священной пещере один. Откуда мне было знать, что у него есть еще одна дочь? Да еще близнец!

Наконец все встало на свои места. В салоне снова повисло молчание, которое тяготило. К тому же у меня на языке постоянно крутился вопрос:

– Понимаю, не мое дело, но зачем ты с ней встречаешься?

– Хорошее замечание. Это и правда не твое дело, – раздраженно бросил полукровка, вцепившись в руль до побелевших костяшек, затем более мягко произнес: – Но я отвечаю. Она нравится мне и внешне, и современными взглядами на эволюцию оборотней.

– Отец выгонит сестру из дома и отлучит от клана, если узнает, что она бежит к тебе на свидания, – сокрушенно покачала я головой.

– Маловероятно, – с загадочным убеждением ответил Форестер. – К тому же Мия совершеннолетняя и сама вправе выбирать, с кем встречаться.

– До тех пор пока не повстречает истинного.

– Такая взрослая девочка, а до сих пор веришь в сказки, – по-доброму рассмеялся он. – Истинные пары давно в прошлом. Их теперь можно встретить только в книгах и фильмах.

– Нужно соблюдать чистоту крови, – убежденно заявила я, пропуская мимо ушей высказывание Форестера.

– Не зря я сказал, что вы похожи с сестрой, но при этом совершенно разные. Ради чего соблюдать чистоту крови? Чтобы просто с гордостью заявить, что вы манаро? В чем ваше превосходство над нами?

– У нас более острый нюх и слух, сильнее развита эмпатия.

– Разве без этого нельзя жить? – с его губ слетел циничный смешок.

– Мы выносливее. С нами сложнее расправиться.

– Согласен. Только один огромный минус перечеркивает все ваши достоинства: вы подвластны инстинктам, особенно в преддверии полнолуния. В эти дни вторая сущность берет над вами верх, поэтому вы не можете жить среди обычных людей. Чтобы избежать оборота, пьете всякую гадость. В то время как нам в этом нет необходимости. Как и любые оборотни, мы чувствуем зов волка, но сами решаем, оборачиваться или нет. Ты все еще считаешь, что мы хуже вас? Может, наоборот? И будущее за нами, а не за вами?

– Если следовать твоему суждению, то в один прекрасный день оборотни навсегда исчезнут с лица земли. Ты этого хочешь?

Полукровка ничего не ответил ни через минуту, ни через пять. У меня тоже не было желания продолжать беседу. В молчании я видела нынче спасение, пусть и временное, ведь напряжение между нами достигло такого накала, что в воздухе прямо-таки слышался треск. И любая необдуманно брошенная фраза могла положить начало очередной перепалке.

К счастью, долго терпеть nepозволительную близость полукровки не пришлось. Спустя непродолжительное время машина свернула с основной дороги и, проехав милю, остановилась у черных кованых ворот с золотыми пиками. Они были распахнуты настежь, словно ждали возвращения хозяина.

В моем воображении дом Форестера представлял собой небольшой приземистый домик с невзрачными серыми стенами. По факту это оказался двухэтажный коттедж из оцилиндрованного бревна. К нему вела подъездная аллея, вдоль которой молчаливыми охранниками вышались фонари.

– Мы на месте, – бросил полукровка, припарковав внедорожник у крыльца.

Его голос донесся до меня будто сквозь толщу воды. Я не могла оторвать взгляда от восхитительного строения, в котором мне предстояло дожидаться своей машины.

– Пойдем? – Форестер вновь дал мне понять, что пора выбираться.

Кровь закипела в жилах при мысли, что, возможно, не один час проведу наедине с сыном своего личного врага и врага всех манаро. Но судьба второй день подряд сталкивала меня с ним. К чему бы?

Захватив с заднего сиденья кожаный портфель, Деррен покинул внедорожник. Следом за ним выскочила на улицу и я. Ледяной ветер мгновенно ударил в лицо, заставляя меня потопиться и едва ли не бегом броситься к входной двери.

Внутри дом оказался не менее красивым, чем внутри.

Форестер снял куртку и повесил ее в шкаф, куда минутой позже отправился и мой пуховик.

– Ступай в гостиную. Я сейчас, – отвлек он меня от разглядывания интерьера.

Полукровка махнул рукой в конец холла, постучал ботинками о пол, стряхивая снег, поднялся на второй этаж и скрылся из виду. Я последовала указанию и прошла в просторную комнату с минимумом мебели.

Вдоль одной из стен стоял черный кожаный диван, на противоположной – огромный телевизор, под ним – камин. Также здесь имелись два кресла и журнальный столик из темного стекла, на полу лежал серый ковер. Больше на глаза ничего не попало.

Вскоре из холла донеслись тяжелые шаги. Я глубоко вздохнула и посмотрела в сторону дверной арки, морально готовясь встретиться лицом к лицу с хозяином дома.

– Держи, – протянул он махровое полотенце.

Я приняла его с благодарностью, но вытирать волосы при Форестере не стала, постеснялась, поскольку видела в этом действии нечто сокровенное, позволяющее врагу заглянуть мне в душу, стать ближе... А снег тем временем таял на ресницах и пресными ручейками стекал по пылающим щекам.

Я вздрогнула, когда брюнет с серьезным выражением протянул руку к моему лицу и большим пальцем неторопливо стер сначала одну мокрую дорожку, затем другую. Сердце загрохотало с такой силой, что его удары, казалось, разносились по всему коттеджу и достигли-таки ушей его владельца.

Несколько мучительно долгих мгновений полукровка пристально смотрел мне в глаза, после чего развернулся, подошел к камину и как ни в чем не бывало взялся его разжигать.

Воспользовавшись моментом, я хорошенько просушила полотенцем волосы, запустила в них пальцы и с усердием встряхнула. За этим делом меня и застал Деррен, глаза которого отчего-то потемнели и в данную минуту напоминали темные сапфиры.

– Что будешь? Чай, кофе? Или, может, хочешь чего-нибудь покрепче? – от меня не укрылся сарказм в его голосе.

Я озадаченно посмотрела на Форестера и нахмурилась.

– Обратни не пьют спиртное.

Ему ли было не знать простых истин? Тогда зачем предложил?

– Тебе-то можно.

Услышанное настолько шокировало меня, что я смогла оторопело выдать лишь:

– Травяной чай, если есть.

Деррен молча покинул гостиную, позволяя мне без свидетелей разобраться с беспорядком на голове.

Не прошло и пяти минут, как он вернулся с кружкой невероятно ароматного напитка, от которого тонкой струйкой взвивался пар. Не допуская прикосновений, я аккуратно взяла ее из мужских рук и принялась. Ничего подозрительного. Стоило поднять голову, встретила взглядом с Форестером. Его глаза были прищурены и метали молнии.

– Неужели подумала, что я собираюсь навредить тебе? – со злостью произнес он.

Я расправила плечи и с вызовом вздернула подбородок, желая скрыть стыд, вызванный подобным замечанием.

– От тебя можно ожидать чего угодно.

– С тобой не соскучишься... – выдохнул Форестер и вальяжно раскинулся в кресле. – Зачем мне привозить тебя в свой дом и в нем же травить? Если бы я задумал что-то недоброе, то сделал бы это в машине. Метель скрывает все улики.

Я повела плечом и опустила на край дивана.

– Чтобы расправиться с дочерью врага. Вдруг по пути что-нибудь пошло не по плану? Тут надежнее.

– Врага? – повторил полукровка, запрокинул голову и расхохотался стальным раскатыстым смехом. – Не слишком ли громко сказано? Это твой отец считает нас врагами, тем временем как нам нет дел ни до него, ни до остальных манаро.

В груди вспыхнула такая ярость, что я не выдержала и вскочила с дивана, чудом не расплескав чай.

– Хочешь сказать, нет никакой войны?!

– Разве редкие стычки можно назвать войной? Ну подожгли вы кому-то из наших машину, мы вам в отместку спалили две. Вы разбили нам окно – мы вам шины прокололи.

– А как же нападение на мою маму и тетю? – о себе я предпочла умолчать.

Форестер резко подался вперед, оперся локтями о колени и твердо произнес:

– Мы не имеем к этому никакого отношения.

– Я сама видела!

– Что ты видела? – дерзко спросил полукровка и, не дожидаясь ответа, продолжил: – Если Мия не винит нас, тебе тем более следует забыть об этой истории. Или ищи врага среди своих.

Я не поверила ни единому слову Форестера. Образ оборотня, что запечатлелся в моей памяти, принадлежал огромному черному волку. Таких среди манаро не было. К тому же на поляне, где произошло нападение, нашли клочки одежды, запах которой принадлежал Дилану Форестеру. Я до сих пор не понимала, как отец не стер его в порошок в тот день. Возможно, ему, как шерифу, не хватило улик для обвинения, а самосудом решил не заниматься. Тем не менее в резервации все знали, кто причастен к произошедшему.

– Лжешь! – выпалила, не беспокоясь о том, что может случиться дальше.

– Хорошо, – ударил Деррен ладонями по коленям и встал. – Допустим, мой отец или кто-то из наших напал на твоих близких по его приказу. Но зачем ему это?!

– Без понятия. Может, захотел присвоить земли, вынудив манаро покинуть их. Может, у него личная неприязнь к нам.

Форестер в два шага сократил разделяющее нас расстояние и скалой навис надо мной. Его лицо приняло угрожающий вид.

– Ни отцу, ни мне не нужны ваши земли, – отчеканил он каждое слово.

Почувствовав опасность, в теле неприятно заворочалась волчица, однако я смело заявила:

– Они стоят немалых денег.

– У нас их еще больше, – горделиво заявил полукровка. Заметив мою озадаченность, он недоверчиво произнес: – Только не говори, будто не знаешь, что компания «F&K» принадлежит Форестерам?

Его слова вызвали сильное головокружение, прямо как при взлете лайнера.

– Эта та, что занимается производством легкомоторных самолетов? – я нервно сглотнула.

– Она самая. Так как? До сих пор думаешь, что нам нужны ваши земли?

«F&K» являлась крупной компанией с ежегодной многомиллионной прибылью, поэтому вряд ли Форестеров интересовали деньги. Мне нечем было ответить Деррену на выпад. Пришлось промолчать.

Внезапно я осознала, насколько близки наши лица. Каждая клеточка моего тела остро реагировала на близость брюнета. Пальцы заныли от желания прикоснуться к широким мужским плечам, провести по прекрасно сложенному торсу, вновь ощутить мягкость его черных волос...

Я тряхнула головой, прогоняя прочь опасные мысли, и заметила, насколько потемнел взгляд Форестера. Казалось, он уловил мое состояние, поскольку резко отстранился и положил на журнальный столик пульт от телевизора.

– У меня полно дел, поэтому вынужден тебя оставить. Если что-то понадобится, зови. Я буду у себя в кабинете.

Форестер не стал дожидаться ответа или уточнять, где именно находится упомянутый кабинет, а широким шагом покинул гостиную. Его скорый уход походил на побег, но он был мне на руку. Наконец-то я могла перевести дыхание и расслабиться. Опустившись с чашкой возле камина, принялась наблюдать за языками пламени. А в голове снова и снова, точно пластинка в граммофоне, прокручивался информативный разговор с полукровкой. Разум убеждал меня поверить словам брюнета, но сердце во всю мощь кричало: «Неправда!»

Мое одиночество было нарушено где-то спустя час. Форестер появился, только чтобы сказать, что мою машину с минуты на минуты подгонят к дому. Новость вызвала у меня и радость, и огорчение одновременно. Мне хотелось поскорее оказаться дома, но перспектива провести два-три часа в пути в разгар снежной бури сильно пугала.

– Сколько я должна за ремонт? – этот вопрос, по-моему, был сейчас как нельзя кстати.

Форестер медлил с ответом. В гостиной воцарилось неуместное молчание. Изучающий взгляд хозяина дома блуждал по моему лицу. С неменьшим интересом рассматривала его и я. На миг мне почудилось, что в глазах цвета неба промелькнула грусть.

- Нисколько, – проговорил он, когда пауза чересчур затянулась. – Просто скажи спасибо!
- Спасибо, – мой тихий голос заглушил сигнал подъехавшего автомобиля.
- Хорошая девочка. Теперь иди. Я открою машину, чтобы ты смогла забрать вещи.

Глава 5

Весь обратный путь до Эмбаррасс я прокручивала в голове разговор с Форестером. Раз за разом. Снова и снова. Благодаря разыгравшейся непогоде времени на раздумья имелось в достатке. Да и разум больше не был одурманен опьяняющим запахом полукровки.

Форестер не первый, с кем я целовалась. Тогда откуда такая нездоровая реакция на его присутствие? Неужели всему виной пробуждающаяся волчица? Если да, то что будет после ее возрождения? Правда, об этом можно было пока не задумываться. До полного восстановления второй сущности пройдет еще порядком времени. Сколько точно, неизвестно. Но не меньше недели.

Постепенно все мои мысли заняла Мия. Я не понимала, зачем сестре понадобилось очернить меня в глазах полукровки. Однако не сомневалась, что попытка выставить меня в неблагоприятном свете – ее рук дело. Только когда успела? До вчерашнего вечера Форестер не знал о моем существовании. Значит, Мия созвонилась с ним либо ночью, либо сегодня утром. Уж не разговор ли с полукровкой она подразумевала под срочными делами?

«... Не трудись искать оправданий. Мне известен твой секрет... Если Мия не винит нас, тебе тем более следует забыть об этой истории...» – подобно фейерверку вспыхивали в памяти обрывки мужских фраз, походивших на головоломку.

Сестра наплела ему обо мне что-то отнюдь не лестное. Хотелось все разузнать, но прямо близняшку не спросишь. Иначе она поймет, что я снова пересекалась с ее парнем. Или кем там Форестер ей приходился? Что ж, придется теперь с Мией держать ухо востро. Годы одиночества приучили меня никому не доверять и всегда быть настороже. Только я не думала, что это правило когда-либо коснется родного человека.

Люди Форестера залили полный бак. Благодаря их предусмотрительности, мне не пришлось заезжать в Аврору для дозаправки. В итоге около шести вечера я уже катилась по заснеженным дорогам резервации. Наученная горьким опытом, съехала в сотне метров от родительского дома на обочину и принялась переодеваться. Мне нужно было свести с себя запах полукровки до минимума.

В первую очередь на заднее сиденье полетел пуховик, следом старый свитер и джинсы. Отыскав среди покупок новые вещи, впопыхах надела их, после чего сбрызнула волосы и сгибы локтей духами. Я надеялась, предпринятых мер хватит, чтобы перебить горьковато-пряный запах Форестера и отвести от себя подозрения.

Спустя четверть часа с рюкзаком на плече и объемным пакетом в руках я вошла в залитую светом прихожую и с порога принялась. В воздухе витали аппетитные ароматы, заставившие мой желудок скрутиться в бараний рог, а голову пойти кругом.

– Как вкусно пахнет! – нарочито громко воскликнула я, давая о себе знать здешним жильцам.

Словно по команде передо мной появились и Мия с кухонной лопаткой в руке, и папа – с отверткой. Помнится, отец любил по вечерам возиться со старыми радиоприемниками. Особенно когда нервничал. Значит, он не изменил этой привычке.

– Лия, ты где пропадала столько времени?! – встревоженно выкрикнула близняшка. Ее волнение выглядело столь правдоподобно, что я устыдилась недобрых мыслей. Правда, следующая фраза выдала ее заветное желание: – Мы подумали, ты обиделась на нас и без предупреждения вернулась в Тампу.

Несмотря на охватившее сердце обиду и стремление поговорить с Мией по душам, я виновато улыбнулась. Раз пошла такая свистопляска, придется и мне играть роль доверчивой простушки, пока не разберусь, что к чему.

Не дожидаясь ответа, отец забрал из моих рук пакет с книгами, после и рюкзак.

– На обратном пути сломалась машина, – пропыхтела я, снимая сапоги.

– Что именно? – спросил отец исключительно из мужского интереса.

– Генератор полетел, – повторила слова Форестера, хотя на самом деле не знала, что случилось с моим «старичком».

Отец нахмурился. Мия же, напрочь позабыв о делах, молча стояла рядом с ним и чуть заметно водила носом по воздуху. Только бы не унюхала, а то вновь ссоры не избежать!

– Тебе повезло, что кто-то взялся ремонтировать субботним вечером это корыто.

– И не говори, папа. Сама не ожидала, что найдутся хорошие люди.

Перед глазами против воли предстал дерзкий Форестер, и губы сами собой изогнулись в легкой улыбке. Никогда бы не подумала, что сын нашего заклятого врага однажды станет моим спасителем.

К реальности меня вернул голос отца, заставивший образ полукровки распасться на мелкие кусочки, а после и вовсе исчезнуть:

– Ты расплатилась за ремонт или осталась должна?

– Расплатилась. К счастью, совесть не позволила мне потратить за раз все деньги, – солгала я и ощутила вспыхнувший на щеках румянец. Хоть горящее лицо можно было спрятать за расширившиеся в тепле сосуды и налившиеся кровью капилляры, я поспешила сменить тему разговора: – Что у нас на ужин? Я безумно голодна и запросто могу опустошить холодильник.

Отец понял, что ничего интересного больше не услышит, поэтому направился с моими вещами на второй этаж.

– Лазанья. Но тебе придется подождать, – отозвалась Мия. Многозначительно улыбнувшись, она понизила голос до таинственного шепота: – У нас сегодня гости.

Сердце вмиг сжалось в недобром предчувствии. Задержав дыхание, я спросила:

– Кто?

– Эллиот Смит. Не уверена, конечно, что ты его помнишь...

С памятью у меня было все отлично. Мне понадобилось пару мгновений, чтобы понять, о ком шла речь.

– Худой прыщавый паренек по кличке Червяк?

– Он самый. Только теперь у него нет прыщей, впрочем, как и отбоя от девчонок. Смотри, не влюбись, Лия.

Я собиралась сказать, что это маловероятно, но решила повременить с выводами. Вдруг Эллиот понравится мне? Пожалуй, так будет даже лучше...

– Все возможно, – уклончиво ответила я и вкрадчиво поинтересовалась: – Зачем он придет?

– Эллиот работает помощником шерифа. Поэтому частенько заглядывает к нам, чтобы обсудить дела с отцом. Но сегодня он буквально напросился на ужин, – Мия вновь понизила голос и заговорила доверительным шепотом: – Отец сам в недоумении, что с Эллиотом. Не в тебе ли дело, сестренка?

Лучше бы Мия ошибалась, иначе мне придется туго. Однако было очевидно, что сестра не разделяла моего мнения. Ведь стоило зайти речи о папином помощнике, она заметно повеселела, перестала водить носом по воздуху и принялась нахваливать паренька. Хотя это слово вряд ли нынче подходило к Эллиоту Смицу. Помнится, он года на три-четыре старше меня.

– Кажется, ты сказала «гости». Будет еще кто-то? – по всей видимости, сознание зацепилось за брошенную сестрой фразу, раз внезапно натолкнуло меня на вопрос.

– Так точно. Второй гость, вернее, гостья, уже порядком тебя заждалась.

Мия поманила меня рукой. Я последовала за ней на кухню и замерла, едва увидела за столом точную копию матери, только полную энергии и широко улыбающуюся.

– Лия, девочка моя! Как я рада тебя видеть! Чего встала? Проходи. А то будто неродная, – женский голос звучал тихо и удивительно ласково, без тени осуждения или обиды.

Мое сердце заколотилось так, будто хотело выскочить из груди. К горлу подступил ком, слезы сами собой навернулись на глаза и потекли по щекам.

– Тетя Саманта... – прошептала я и бросилась в ее раскрытые объятия.

– Ну-ну! Будет тебе, милая! Не плачь. Все же хорошо, – успокаивающе поглаживала она меня по спине, тем временем как я с поникшей головой стояла перед ней на коленях.

– Прости, – с трудом выдавила сквозь слезы и громко всхлипнула.

Тетя приподняла пальцами мой подбородок и заставила меня посмотреть в ее глаза цвета горького шоколада.

– Мне не за что прощать тебя, Лия. Если только за то, что ты не отвечала на мои звонки и сама не звонила. Хотя должна признать, открытки ко всем праздникам ты посылала исправно. Но ведь картинками живого общения не заменишь. А я скучала по тебе! И переживала.

– Я не могла... Это ведь из-за меня ты оказалась поначалу в инвалидной коляске, а теперь вынуждена передвигаться на костылях.

– Моя бедная девочка, – ласково, по-матерински тетя погладила меня по голове. – Ты должна перестать винить себя в произошедшем, иначе не сможешь жить полной жизнью, получать от нее удовольствие, никогда не станешь по-настоящему счастливой и не избавишься от кошмаров.

– Откуда?.. – растерянно прошептала я.

– Мия рассказала мне, что ты кричала посреди ночи. Хочешь сказать, кошмары тебя не преследуют? – темно-карие глаза маминой близняшки напряженно сузились.

– Каждую ночь.

– Вот видишь. Лия, я повторюсь: мне не в чем тебя винить. Ты тогда была ребенком.

– Я послушалась отца, – не желая соглашаться с тетей, покачала головой. – Нападения можно было избежать, если бы...

– Прошлого не воротишь, моя милая, – она легонько похлопала ладонью меня по плечу и улыбнулась. – К тому же где вероятность, что не случись нападение в тот день, оно не произошло бы через неделю или через месяц? Мы не властны над судьбой.

Слова маминой сестры заставили меня воспрять духом и немного иначе взглянуть на события того злополучного летнего вечера, за что была крайне ей благодарна. Однако желание восполнить пробелы в памяти никуда не делось.

– Тетя Саманта, – взяла я ее за руки и с мольбой посмотрела в глаза, – расскажи, пожалуйста, что тогда произошло?

Женщина вмиг помрачнела. Худые плечи напряглись, а пальцы в моих ладонях задрожали.

– Неужели ничего не помнишь? – в ее карих глазах отразилось недоверие.

Я покачала головой, опустила взгляд и убрала руки.

– Почти...

– И все-таки! – настаивала она.

– Помню, как вышла из дома, как добралась до термального источника, огромного черного волка. Все, что было потом, лишь урывками. Погоню, топот лап, тяжелое дыхание зверя за спиной, сильную боль в ноге от его острых когтей, мамин крик... – в голове застучали молоточки, перед глазами заплясали белые мушки. Мне пришлось крепко зажмуриться, чтобы прогнать их. Я ощутила, как по виску потекла капелька пота и вытерла ее тыльной стороной ладони. – Больше ничего... Ни кто спас меня от волка, ни как оказалась дома...

– Не мучай себя, Лия. Придет время, и ты обязательно все вспомнишь. Хоть мне самой мало что известно, обещаю помочь восстановить цепочку событий. Но не сегодня. Не будем

портить праздник мрачными воспоминаниями. Лучше расскажи, ты насовсем вернулась или захотелось погостить?

– Насовсем, – голос выдал охватившую сердце грусть.

– Вот и правильно. Нечего скитаться по миру, когда есть дом и родные, которые всегда тебе рады.

– Спасибо! – я поцеловала тетю в щеку, поднялась с колен и обратилась к Мии: – Чем помочь?

– Ничем. Почти все готово. Лучше сходи и приведи себя в порядок, – проворчала сестра.

Мне с трудом удалось сдержать недовольство. Ее перепады настроения убивали. То Мия улыбалась и была самым очарованием, то начинала злиться и превращалась в мегеру. Вела себя точно подросток в период гормональной перестройки. Решив не потакать прихотям сестры, осталась на кухне и взялась накрывать на стол.

Я заканчивала натирать стаканы, когда дом наполнился сначала настойчивым стуком, затем громкими мужскими голосами. Один принадлежал отцу, другой, басовитый, по всей видимости, Эллиоту Смиту. Я прислушивалась к их разговору и пыталась понять, нравится ли мне тембр голоса помощника шерифа. И... не разобрала.

Спустя пару мгновений с набором пирожных и курицей гриль в руках на кухне появился глава семьи и кивком указал нам с сестрой на выход.

– Иди встречай, – прошипела Мия мне на ухо и подтолкнула к дверной арке.

Я нарочито медленно вытерла руки и направилась в прихожую. Однако стоило увидеть гостя, впала в оцепенение. От худого прыщавого подростка, что носил очки с толстыми стеклами в роговой оправе, не осталось следа. За прошедшие шесть лет Эллиот Смит очень возмужал и превратился в настоящего красавца. Каштановые волосы, в которых запутались снежинки, были зачесаны назад, благодаря чему открывался высокий лоб. Под широкими темными бровями янтарями блестели выразительные глаза. Скулы и квадратный подбородок четко выделялись на овальном лице, словно над ними поработал умелый резчик. Под тонким черным пуловером играли внушительные бицепсы. Только отчего-то мне казалось, что за них Смиту следовало благодарить не природу, а стероиды.

– Лия! Рад тебя видеть! – помощник отца широко улыбнулся, продемонстрировав мне чуть ли не все свои тридцать два белоснежных и удивительно ровных зуба.

– Привет, Эллиот! – с напускной веселостью поздоровалась я с ним и улыбнулась в ответ.

Гость подался вперед с явным намерением поцеловать меня в щеку, но я опередила его – протянула руку, которая с небольшим промедлением утонула в огромной лапе Смита. Она была влажной. Захотелось разомкнуть пожатие, но не успела перейти к действию, как гость вложил мне в ладонь прозрачную коробочку с единственной белой лилией внутри.

– Думаю, это тебе. Прекрасная лилия для не менее очаровательной Лии.

– От кого?! – удивленно воскликнула я, с восхищением разглядывая цветок.

– Не знаю. Лежала у двери, ждала, когда ее найдут.

Я не поверила Смиту. Наверняка он солгал. Боялся, что я не приму подарок, вот и придумал нелепую историю.

– Лия, не держи гостя на пороге, – раздался из кухни поучительный голос тети, и в следующий миг рядом с нами в прихожей оказалась Мия.

– Эллиот, какая прелесть! Ты чудо, – эта фраза адресовалась явно не мне. – Проходи скорее. Все только тебя и ждали.

Хоть гостя посадили рядом со мной, большую часть ужина он общался с папой, порой с тетей, еще реже с Мией. Эллиот рассказывал увлекательные истории и о всякой всячине. При этом Смит не оставлял меня без внимания дольше чем на пять минут: не положить ли мне еще кусочек лазаньи, не хочу ли я воды или морковного сока. Уверена, многие девушки пришли бы в восторг от подобных ухаживаний, меня же при всей вежливости Эллиота и его белозубой

улыбке тяготила данная навязчивость. К тому же рядом с его тяжелой массивной фигурой и высоким ростом я чувствовала себя маленькой хрупкой и далеко не в своей тарелке. Тем не менее близость гостя не вызывала опасений. Не вызывал отвращения и его запах. Что уже было хорошим знаком.

Я облегченно выдохнула, когда в половину девятого Смит поднялся из-за стола, поблагодарил всех за чудесный ужин и сказал, что ему пора.

– Проводишь? – негромко спросил он, чуть склонившись надо мной.

В кухне повисла тишина. Испытующие взгляды четырех пар глаз не оставили мне выбора, кроме как проследовать за гостем в прихожую. Другие обитатели дома как ни в чем не бывало продолжили сидеть за столом.

– Может, сходим куда-нибудь на днях? – предложил Эллиот, когда мы оказались у входной двери.

Я напряглась, когда его сильные пальцы обхватили мое запястье, скользнули к локтю и обратно. И прежде чем успела что-либо предпринять, Смит погладил мою ладонь, затем и вовсе крепко сжал пальцы.

– Конечно, сходите, – решила все за меня показавшаяся в коридоре тетя.

Несмотря на возмутительное вмешательство родственницы, ее присутствие позволило мне отдернуть руку и убрать за спину. На всякий случай. Вдруг Эллиоту снова придет в голову нечто подобное?

– Я позвоню, – обольстительно улыбнулся гость, совершенно уверенный в своей неотражимости и действенности улыбки, и нажал на ручку двери.

– Молодой человек, постойте! Не подвезете меня домой? – окликнула тетя Смита и на удивление быстро заковыляла к нам.

Желание помочь было пресечено предостерегающим взглядом. Не сомневаясь, что Эллиот не откажет моей родственнице в просьбе, я сказала им «пока» и потихоньку улизнула на кухню, где тем временем Мия испытывала свои чары на главе семейства.

– Папа, можно я съезжу к Норе? – сладким, будто мед, голоском умоляла она его и часто хлопала ресницами. – Лия сама здесь все уберет, правда, сестренка?

– Конечно, – отозвалась я и принялась ополаскивать тарелки, чтобы позже загрузить в посудомоечную машину.

– Время видела? – строго спросил отец, на которого не подействовали уловки сестры.

– Еще девяти нет, – недовольно буркнула она, но затем снова нацепила на лицо широкую улыбку. – Ну, папочка, пожалуйста!

В кухне воцарилась тишина, нарушаемая лишь шумом льющейся воды.

– Во сколько вернешься? – спросил глава семьи после затянувшихся размышлений.

– Так я с ночевкой.

– Нет! – отрезал отец и резко поднялся из-за стола, отчего стул с грохотом отъехал назад.

– Но почему? – недоуменно прошептала Мия, опешившая от его тона.

– Ты ночевала у Роджерсов уже дважды на этой неделе. Имей совесть! Своего дома нет, что ли?! Чтоб в одиннадцать явилась. Нет?! Пеняй на себя! – пригрозил он и вышел из кухни.

В этом был весь Рон Миллвуд. Он редко шел на компромисс, а если и уступал, то выставлял встречные условия.

Едва Мия осознала, что тема закрыта, стремглав рванула на второй этаж. Спустя считанные минуты на лестнице раздался топот ног, после чего хлопнула входная дверь и дом погрузился в тишину.

Закончив с уборкой, я забрала из машины проветривавшиеся все это время вещи, разобрала пакеты и с книгой в руках направилась в родительскую спальню. Вручение подарков стоило отложить на завтра. Для надежности.

Мама, как и утром, неподвижно лежала с открытыми глазами. Слезливый ком вновь подкатил к горлу, но я решила во что бы то ни стало быть сильной. Ради нее, ради себя, ради счастливого будущего. Устроившись на стуле рядом с медицинской кроватью, открыла любовный роман и вдохновенно, без надрывов принялась читать.

Было около одиннадцати, когда мама сомкнула веки и погрузилась в сон. Я закрыла книгу, заботливо подоткнула одеяло и потянулась к выключателю прикроватной лампы. Но внезапно в голову пришла мысль: «Что, если и маму по ночам мучают кошмары? Просто она не может дать нам об этом знать?» И оставила свет включенным, лишь немного приглушив яркость.

Несмотря на поздний час, я решила заглянуть к отцу и спустилась на первый этаж. Из-под дубовой двери в коридор пробивалась узкая полоска света. Значит, у себя. Я предупредительно постучала, нажала на ручку и ступила в кабинет со словами:

– Извини за беспокойство. К тебе можно?

– Конечно. Молодец, что пришла. Нам нужно поговорить, – серьезным тоном произнес отец, поднимаясь из-за стола, за которым мгновение назад разбирал бумаги.

– Что-то случилось? – я застыла на месте от неожиданности.

– Меня беспокоит твоя машина.

– Что с ней не так?

Папа пригласительным жестом указал на два кресла возле окна, и я неуверенно опустилась на край того, что было ближе к двери.

– Она слишком старая и ненадежная для наших мест. Тебе нужна новая и более мощная, – с нажимом произнес отец, едва уселся в соседнее кресло и забросил ногу на ногу.

– Папа...

– Здесь не Флорида, Лия, а Миннесота. Пожалуй, ты забыла, насколько суров климат в наших краях и как часто здесь погибают люди от переохлаждения. Хорошо еще, нашелся человек, который пришел тебе на помощь. А если бы нет? Что тогда?

– Но ведь все хорошо закончилось.

– Сегодня у твоего корыта сломался генератор, завтра полетит аккумулятор, послезавтра что? Тормозная система? Да у нее же все дно на дырах. Скоро не она тебя будет везти, а ты ее по запчастям собирать по дороге. Так что вопрос решен. На днях съездим в салон и подберем тебе что-нибудь.

– Может, лучше отремонтируем мой пикап? – неуверенно предложила я.

– Этому ведру с гайками один путь – на утилизацию. И почему ты противишься? Понимаю, если бы у нас были проблемы с деньгами. Но их полно. Хватит и тебе, и твоим детям. Зря, что ли, мой прадед положил здоровье на золотых приисках? К тому же у Мии новая машина. Значит, и у тебя должна быть новая. Я не хочу, чтобы кто-то из моих детей считал себя обделенным и недолюбленным. Зачем ты хотела меня видеть? – своим тоном отец ясно дал понять, что тема покупки машины закрыта.

Мне понадобилось пару мгновений, чтобы подобрать нужные слова.

– В Дулуте я столкнулась с Амандой Бойл, бывшей одноклассницей, – первая часть фразы была правдой, тем временем как вторая заключала ложь: – Так вот она сказала, что ты в священную пещеру приходишь всегда один. Почему? Боялся за жизнь Мии?

– Ох уж эти местные сплетницы. От скуки не знают, чем заняться, ляпают языками направо-налево, – сокрушенно покачал папа головой. – Существует нерушимое правило: в священной пещере имеют право появляться только обретшие волка. Раньше на сход и вовсе все приходили исключительно в волчьем обличии, чтобы ни у кого не возникало сомнений. Это твой дед изменил многовековые порядки. Считал, что раз на дворе двадцатый век, то и нам следует ослабить правила.

– Подожди. Что-то я не совсем тебя понимаю. Мия же обрела волчицу.

– Четыре месяца назад, – папа тяжело вздохнул. – К тому моменту я уже перестал верить в чудо. Думал, ее постигнет судьба твоей тети, и она навсегда останется простым человеком. Мия очень переживала. Она буквально убивалась от горя, боялась, что будет отлучена от клана, – острый взгляд отца потускнел, а затем с его губ слетел горький смешок. – Ты не представляешь, чего мы тут натерпелись с ней...

Теперь я поняла, отчего сестра взбеленилась из-за вопроса о татуировке. Но откуда мне было знать? Она никогда не делилась со мной переживаниями, вечно твердила, что у них все отлично.

Получив искомый ответ, я собиралась пожелать главе семейства спокойной ночи, как внезапно меня охватили сомнения. Не солгала ли сестрица нашему родителю и не набила ли татуировку вопреки законам?

– Ты видел ее волчицу? Она красивая?

– Мия продемонстрировала мне свои длиннющие коготки. Этого было достаточно, чтобы я убедился в ее способностях к обороту. Почему спрашиваешь? – широкие брови отца сошлись над переносицей, он занервничал.

«Папа прав, не будь Мия одной из манаро, не почуяла бы вчера запах Форестера», – пронеслась в голове мысль.

– Чисто из любопытства. Я ведь даже не знаю, как выглядит моя волчица.

Я опустила голову и принялась разглядывать собственные руки, только бы не встретиться с отцом взглядом. Но ощутив на своем плече тяжелую мужскую ладонь, вынуждена была посмотреть на него.

– Поверь, она прекрасна. Как и положено будущей спутнице альфы. Давно перестала принимать настойку живокости?

– Только позавчера.

– Значит, ко дню почитания Маико твоя волчица полностью восстановится. И тогда мы всей семьей... – внезапно он замолк, судорожно вздохнул и продолжил: – Почти всей семьей отправимся в священную пещеру.

– А если нет? – я ощутила спазм в горле.

– Никаких если! Кстати, что скажешь о моем помощнике? – резкая смена разговора выбила меня из колеи.

– Папа!

– Я должен знать, к чему готовиться. Парень он неплохой. Прости, в мужской красоте не разбираюсь, но, со слов Мии, Эллиот очень даже ничего. Вдруг ты уже мечтаешь о свадьбе.

– Какая свадьба? Мне только восемнадцать.

– Через пару месяцев девятнадцать. К тому же мама была моложе тебя, когда выходила замуж.

– Давай не будем торопить события. Если надумаю, ты узнаешь об этом первым. Договорились?

– По рукам.

Отец обогнул стол и опустился в мягкое кожаное кресло, подведя таким образом черту в разговоре. Пожелав спокойной ночи, я направилась к двери. Но успела сделать лишь пару шагов, как услышала за спиной оклик:

– Лия! Ответ на твой вопрос «нет», – произнес папа, едва наши взгляды снова пересеклись. – Я никогда не испытывал к тебе ненависти. Ты моя кровь, мое продолжение, и я не хочу тебя потерять, поэтому будь осторожна. И еще! Что бы в будущем не узнала, помни, я ни в чем тебя не виню. Теперь можно сказать и спокойной ночи!

– Спасибо, папа!

Я еще раз попрощалась с отцом и покинула кабинет. Худший момент для этого сложно было подобрать. Прямо за дверью я столкнулась с Мией. По ее щекам текли слезы. Видимо,

сестра плакала уже давно, поскольку веки припухли и покраснели, а тушь размазалась. Судя по короткому облегающему платью и некогда яркому макияжу, сестра вряд ли ездила к подруге. Неужели к Форестеру?!

– Что случилось? – встревожено спросила я, стараясь не обращать внимания на щемящую боль в сердце.

Бледное лицо Мии исказилось от гнева. Она плотно сжала губы и прошипела:

– Дай пройти!

Нарочно задев меня плечом, сестра взлетела вверх по лестнице и скрылась в своей комнате.

Глава 6

Проснулась я довольно рано, в начале восьмого. Открыла глаза, увидела лилию и подловила себя на том, что улыбаюсь во весь рот. Еще никто и никогда не дарил мне цветов, тем более соотносящихся с моим именем.

Повалявшись около четверти часа, с большой неохотой вылезла из кровати и подошла к окну. Снег перестал идти, но он был повсюду: на дорогах и клумбах, на крышах домов и машин. Голые ветви деревьев клонились под непосильной тяжестью. Землю накрыла огромная белая перина, которая продержится до поздней весны.

Я не представляла, чем займусь сегодня. Для начала неплохо было бы позавтракать.

– Лия, прости, пожалуйста, за вчерашнее, – завела Мия старую песню, едва я вошла в кухню.

Напустив на себя недовольный вид, решила не щадить ее чувств:

– Второй день подряд ты просишь прощения. Я, конечно, не в обиде, но смотри, как бы у тебя не вошло в привычку извиняться по утрам.

– Впредь подобное не повторится. Обещаю, – Мия широко улыбнулась и протянула большую фарфоровую чашку. – В знак примирения с меня горячий шоколад.

– Спасибо, – без особой радости произнесла я, не представляя, как выпью эту гадость.

Даже на расстоянии мне чудился травянистый запах, заставивший передернуть плечами и поморщиться. А еще породил толпу мурашек, которые устроили марафон по коже.

– Как все-таки здорово, что ты вернулась. Я так рада, сестренка!

– Правда? Может, наоборот, огорчена? – сухо справилась у нее, вознамерившись поговорить с Мией по душам.

Меня тяготили возникшие между нами подводные камни и недосказанность, в которых в первую очередь был виноват Деррен Форестер. Так почему бы не прояснить все прямо здесь и сейчас?

– Ты о чем, Лия? – спросила сестра с плохо наигранным недоумением и часто захлопала ресницами.

Мия была уверена, что со мной пройдет хорошо отрепетированный номер. Только просчиталась. Однако стоило мне собраться с мыслями и заготовить вступительную речь, как открылась входная дверь и из прихожей послышался женский голос:

– Тук-тук-тук! Есть кто живой?

Я вышла в коридор и удивленно воскликнула:

– Тетя Саманта?!

– Кто ж еще? Ты мне не рада? – с тенью обиды и капель возмущения спросила она.

– Конечно, рада. Просто не думала, что мы так скоро увидимся, – виновато произнесла я, в два счета метнулась к ранней гостье и помогла раздеться.

– Я каждый день навещаю Кейт. Что мне делать одной в четырех стенах? Со скуки умереть можно. У вас хоть с кем-то найдется поговорить. Как поживает моя сестрица?

– Без изменений, – отозвалась вставшая у меня за спиной Мия.

– Пойду погляжу на нее, заодно поздороваюсь.

– Давай помогу, – придерживая тетю за локоть, я потихоньку повела ее вверх по лестнице.

– Постоянно говорю Рону, чтобы переместил Кейт на первый этаж и не заставлял меня каждый день взбираться на Эверест. Но твой упертый отец наотрез отказывается. Говорит, так она быстрее поправится, – ворчала тетя Саманта, хватаясь одной рукой за перила, тем временем как другой опиралась на костыль.

Мама с неизменно пустым взглядом смотрела в потолок. Я аккуратно причесала ее, обтерла лицо чистым влажным полотенцем и смочила губы ватным тампоном. Скоро должна

была приехать сиделка, которая позаботилась бы о маме, но мне приятно было делать это самой.

– Тетя, прошу, давай поговорим о том дне. Незнание изводит меня, – с мольбой обратилась я к родственнице, не проронившей ни слова с тех пор, как мы оказались у маминой постели.

– Хорошо. Только не здесь, – без малейших возражений согласилась она. – Пойдем в гостиную или к тебе. Не стоит лишний раз расстраивать Кейт. Вдруг печальные воспоминания навредят ей.

Я кивнула, дождалась, пока тетя поднимется со стула, после чего следом за ней покинула некогда родительскую спальню. Гостиная была ближе всего. Туда мы и направились.

– Как я уже говорила вчера, мне мало что известно о произошедшем, – произнесла она, тяжело опускаясь на постель. – Незадолго до нападения мы с Кейт вернулись из Дулута. Тебя не оказалось дома. Мия около четверти часа не признавалась, куда ты подевалась, но Кейт все же удалось узнать у нее о твоём желании отправиться в секретное место, а также дорогу к нему. Мы немедленно помчались на поиски, боялись опоздать. Сама должна помнить, что предшествовало тому дню...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.